

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ВОСКРЕСЕНСКИЙ¹*Интервью для проекта «Российское китаеведение – устная история»*

Interview with Dmitry N. Voskresensky

“Russian Sinology – Oral History” Project

<p>Воскресенский Дмитрий Николаевич (ДВ) Китаевед, к.филол.н (1963), доцент ИСАА (МГУ), профессор Литературного института им. Горького Место: г. Москва Дата: 1 апреля, май 2017 Вели интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ), М.С. Осташева (МО), М.Ю. Ульянов (МУ) ИВ РАН Примечания: В.Ц. Головачёв, М.С. Осташёва, Л.П. Черникова Продолжительность: 4 ч. Объём: 103443 знаков с пробелами, 58 с., 2,6 а.л.</p>	<p>Dmitry N. Voskresensky Sinologist, PhD (1963), Afro-Asian States Institute (MSU), professor of the Gorky Institute of Literature Place: Moscow Date: April 1st, May 2017 Hosted by: Valentin Ts. Golovachev, Maria S. Ostasheva, Mark J. Ulyanov IOS RAS Footnotes: Valentin Ts. Golovachev, Maria S. Ostasheva, Larisa P. Chernikova Duration: 4 hours Volume: 58 pages</p>
--	---

Дмитрий Николаевич Воскресенский (9.09.1926–26.07.2017). Китаевед, литературовед, педагог, переводчик с китайского, исследователь китайской литературы. Кандидат филологических наук (1963), доцент МГУ им. М.В. Ломоносова (Институт стран Азии и Африки), профессор Литературного института им. А.М. Горького, член Союза Писателей. Окончил Военный институт иностранных языков (1950). Ученик И.М. Ошанина. Аспирант филологического факультета Пекинского университета (1956–1959). Сотрудник Института китаеведения (1959–1960), Института Дальнего Востока АН СССР (1967–1971). Преподаватель ИСАА МГУ (с 1960 г). Заслуженный преподаватель МГУ (1999). В разные годы преподавал в Высшей дипломатической школе, в Дипломатической академии МИД РФ, Литературном институте им. А.М. Горького. Автор более 120 работ (книг,

¹ Воскресенский Д.Н.@ 2017

статей, очерков, рецензий) по китайской литературе и культуре. Среди переводов – «Неофициальная история конфуцианцев» У Цзин-цзы, «Под пурпурными стягами» Лао Шэ, фрагменты романа «Чудотворные горы» нобелевского лауреата Гао Син-цзяня. Лауреат Государственной премии Китая «За выдающийся вклад в развитие культурных связей КНР с зарубежными странами, за переводы и создание книг о Китае».

Текст интервью:

ВГ, МУ: Дмитрий Николаевич, спасибо большое за ваш интерес к нашему проекту и за его высокую оценку. Мы очень рады встретиться и побеседовать с вами! Для начала просим рассказать о том, где и когда вы родились!

ДВ: Я родился 9 сентября 1926 года в семье москвича, который в своё время жил на Сретенке. Его отец был священником, причём священником из района под Радонежом. Фамилия его была Лебедев, но потом он стал Воскресенским (в XIX веке он сменил фамилию). Отец окончил Московский университет, у меня даже сохранилась его медаль Московского университета – 1905 года, если не ошибаюсь. Потом он стал инженером-химиком и работал им всю свою жизнь. До революции отец работал в Морозовских мануфактурах химиком-красителем, а после революции – на разных комбинатах, фабриках и в Наркомате. Я же родился не в Москве, а под Москвой, в Ногинске, бывшем Богородске, поскольку там были Морозовские мануфактуры, где отец работал главным инженером одной из фабрик, которая называлась Отбельно-красильная, Глуховского комбината. Интересно, что там до сих пор стоит первый бюст Ленина, и вообще это пролетарский район. Прожил я там примерно 12 лет, в доме одного из бывших управляющих – мы жили в половине этого большого дома, который стоит и сейчас.

ВГ: Как звали ваших родителей?

ДВ: Отца звали Николай Дмитриевич. Он родом из семьи священника, а мама – из простой семьи Королёвых. Мой дед – Королёв Андриан

Анисимович. Само его имя говорит о том, что из простого сословия, православный. Более того, говорили даже, что он принадлежал к вере старообрядцев, в чём я не уверен. На самом деле дед действительно был религиозным человеком. По профессии он был краснодеревщиком. Мои родители познакомились в 1924–1925-м году, и это был второй брак отца. А первый брак у него был – с А.А. Богдановой (Воскресенская), они его разорвали ещё перед революцией. Одна из причин развода – в семье не было детей. От первого брака остался самовар (он стоит у нас), на нём написано: «А.А. Воскресенская», то есть те же инициалы, что и у мамы, которую звали Анна Андриановна Воскресенская. В Ногинске я учился в начальной школе, а потом нам пришлось часто переезжать, потому что отец туда-сюда курсировал. Так он уехал из Ногинска в Москву, где работал в Наркомате лёгкой промышленности, а в 1937 году он отправился в Ленинград. Там он работал, и у нас была большая, отличная трёхкомнатная квартира на Васильевском острове. В Ленинграде он тоже работал главным инженером, и у него в помощниках был начальник цеха Косыгин. Потом *Косыгин*² снова перетащил папу в Москву, где он проработал какое-то время в Наркомате, а мы жили в Ногинске. Потом началась война, и была эвакуация всех крупных предприятий. Папа сначала работал на комбинате «Красная Роза», который находился в центре Москвы, около Крымского моста. Когда-то этот комбинат был знаменитым. Между прочим, мне даже пришлось поработать там обычным рабочим – это было в самом начале войны. К тому времени я окончил 7 классов в Москве, мне надо было где-то устроиться, и я там какое-то время поработал слесарем. Собственно, с тех пор (то есть с 1937 года) мы и живём в Москве – сначала жили на Сущёвской улице, а потом, после нескольких обменов с моей мамой и супругой, мы переехали сюда, на улицу Горького, и было это в 1980-х годах.

ВГ: А кем работала ваша мама?

² *Косыгин Алексей Николаевич* (1904–1980). Председатель Совета министров СССР (1964–1980). Дважды Герой Социалистического Труда.

ДВ: Моя мама, Анна Андриановна Королёва, родилась в большой семье, обычной и простой. Мама была очень простая женщина. Она окончила реальное училище в Глухове, высшего образования она не имела. В нашей семье она была домохозяйкой и, кстати говоря, когда я поступил в 1945 г. в *Военный институт*³, меня полковник Обтерман (начальник факультета) спросил: «А кто ваша мать?» Я ответил: «Домработница». Он: «Как домработница?!» Вот так я спутал её с домохозяйкой. Впоследствии, во время войны, мама работала в ЖЭКе, в жилуправлении, потом в гостинице «Балчуг»... Мама сделала для меня очень многое. Отец был строгим и замкнутым человеком, жил своими интересами; у них с мамой была большая разница в годах, 20 лет. А мама была милая добрая женщина, и очень простая, такая настоящая красивая русская женщина, и я ей очень благодарен. Она умерла в 1980-х годах. Она, как и папа, нашла последнее пристанище на Ваганьковском кладбище, где захоронены многие из моей родни.

МУ: Выходит, что к Китаю ваша семья не имела никакого отношения?

ДВ: Моя семья не имела прямого отношения к Китаю и востоковедению, однако отец, обычный русский интеллигент, очень любил искусство (он сам почти профессионально рисовал и выжигал свои рисунки по дереву). Почему-то особое пристрастие он имел к культуре Востока. Неудивительно, что в доме были вещи, привезённые невесть откуда, в том числе из Тибета, Китая, Японии. В раннем детстве мне очень нравился луноликий божок, вырезанный из желтоватого пятнистого камня. Но особой симпатией пользовался многорукий Бодхисатва, сидящий в чёрном лаковом футляре, испещрённом красными иероглифическими значками – ну прямо отшельник, укрывшийся от мира в своей обители. Были и другие восточные вещицы,

³ Военный (Краснознамённый – с 1980) институт Министерства обороны СССР (ВКИМО СССР). Создан на базе Военного фак-та (с 1940) со статусом вуза при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков. Готовил военных переводчиков и преподавателей иностранных языков для училищ и академий Красной Армии. Преобразован в Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА, 1941–1942).

вроде тибетских курильниц или восточных божков, на которых я взирал с удивлением. Мне казалось, что они несут в себе какую-то тайну. В кабинете отца в шкафах стояли книги, в том числе книги о Востоке: описание Тибета *Свена Гедина*⁴ или книжка Макгована «Китайцы у себя дома»⁵. Я с любопытством их листал (прочитал я их значительно позже), рассматривал картинки и, конечно, по-детски фантазировал: какие на свете существуют диковинные страны и какие там живут удивительные люди. Может быть, именно тогда, когда я листал эти книги или рассматривал альбом с картинами *Рериха*⁶ (а мой отец его особенно любил), зародилась у меня страсть к чтению книг о Востоке и желание там побывать. Но мог ли я думать тогда, что спустя годы судьба действительно свяжет меня с Востоком в облике Китая!..

ВГ: Когда у вас впервые возник интерес к Китаю?

ДВ: В 1937–1938 годах, когда мне было лет двенадцать, мой двоюродный брат (он был старше меня на несколько лет и, как мне казалось, уже много знал) сказал мне, что в Китае идёт война с японцами и японцы уже захватили много городов. У кузена на стене висела большая карта Китая, и на ней булавками с крохотными флажками он отмечал линию фронта. Он показывал мне китайские города, называл их, и я их запомнил. Вот тогда, наверное, у меня и возник интерес к Китаю, к географическим картам и разным путеводителям по странам мира. Сейчас, например, когда я вижу где-то в

⁴ *Гедин Свен Андерс* (1865–1952). Шведский путешественник. Исследовал Тибет, Синьцзян, Монголию, Вост. Туркестан (1893–1935). В СЕРДЦЕ АЗИИ. ПАМИРЪ. – ТИБЕТЪ. – ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ. ПУТЕШЕСТВИЕ СВЕНА ГЕДИНА. В 1893–1897 ГОДАХ. Переводъ с шведскаго А. и П. Ганзен. С разрешенія автора. Томъ I. Со 116-й рисунками и 2-мя картами. С.-Петербургъ, Типографія Императорской Академіи Наукъ. 3-го марта 1899 г.

⁵ *Джон Макгован*. Китайцы у себя дома. Очерки семейной и общественной жизни (Ориг. название *Sidelights on Chinese Life*) / Серия Академия фундаментальных исследований: этнология. (Язык издания Старорусский). Переводчик *В. Ламанский*. М.: Ленанд, 2017. 264 с.

⁶ *Рерих, Николай Константинович* (1874–1947). Русский живописец исторического жанра и пейзажист, археолог и писатель, философ, путешественник, культурный и общественный деятель. Мировую известность имеют картины Н.К. Рериха, созданные в ходе тибетской экспедиции (более 500 полотен).

«Taiwan Review» старую карту Китая или Тайваня или путь флотоводца Чжэн Хэ⁷ на Запад, я их рассматриваю как удивительную картину. Сколько в ней скрывается тайн и человеческих трагедий! Один и другой кузен вырезали солдатиков из дерева, причём эти солдатики были разных наций, в том числе и китайские солдатики.

МУ: Вы учились в обычной средней школе?

ДВ: Относительно моего статуса учёбы нужны отдельные пояснения. Школа в Глухове (Ногинске) была начальная и средняя до 6-го класса. Когда мы переехали в Москву, то здесь я окончил 7 классов и, как ни странно, сначала не пошёл в 8-й класс, а подал документы в авиационный техникум – тогда это было очень модно, потому что был Валерий Чкалов⁸, открытие Арктики, и т.д., и т.п. Как многие, я был увлечён этими проблемами. Московский авиационный техникум им. Н.Н. Годовикова находился в здании медицинского корпуса Бурденко. Но началась война, многие эвакуировались. Мы остались в Москве во время войны и жили на Сущёвке. Жили, конечно, тяжело. Тяжело до такой степени, что сажали где-то под Москвой картошку и ели её вместе с кожурой. Так было в самом начале войны. Война меня застала не в Москве: перед самым началом войны мама отправила меня отдыхать в деревню под Гжатском (теперешний город Гагарин). Там, собственно, я и застал войну. Я видел как самолёты летели на Москву, и это было страшно. Но мне удалось оттуда выбраться, когда немцы уже подходили к Смоленску. В это время пошли военные поезда с больными и ранеными, и на одном из них мне удалось приехать домой.

ВГ: Вы сами эвакуировались оттуда?

ДВ: Да, сам, один. В деревне, где я останавливался, жила наша домработница. Мы её звали Соколиха, кажется, и деревня её была Соколово.

⁷ Чжэн Хэ 鄭和 (1371–1435). Китайский путешественник, флотоводец, дипломат. Возглавил 7 крупнейших морских военно-торговых экспедиций, посланных императорами Минской династии в страны Индокитая, Индостана, Аравийского полуострова и Восточной Африки.

⁸ Чкалов Валерий Павлович (1904–1938). Прославленный советский лётчик-испытатель.

Собственно говоря, они меня и посадили на поезд, вот так я и приехал. Дома никто не ожидал, что я приеду, потому что немцы уже через несколько дней захватили Гжатск. Но всё, к счастью, окончилось благополучно. В общем, я не поступил в авиационный техникум, потому что он эвакуировался. Мне пришлось взять документы и поступить в вечернюю школу, в 8-й класс. Школа была на Каляевской, нынешняя Долгоруковская улица. Сначала я учился в школе № 182. Сейчас там рядом находится медицинский комплекс и стоматологический институт. Вот как раз за ним и находилась моя школа. Рядом открылась вечерняя школа. Я поступил, но произошло непредвиденное. В разгар войны обстановка в городе была, как известно, нервная. 15–16 октября 1941 года в Москве началась паника, многие бежали из города, магазины и школы закрылись. А меня в это время отправили вместе с несколькими школьниками копать картошку под Малый Ярославец. Мы отправились туда, ехали с приключениями и, между прочим, оказались в немецкой деревне. Там жили наши советские немцы, но к тому времени их оттуда выселили, так как «те» немцы уже подступали с запада. Я жил в этой деревне примерно недели две. Что мы там накопили, я не помню, но деревня произвела на меня впечатление своей ухоженностью и чистотой, она мало походила на наши деревни, кругом были цветы, цвели мальвы и георгины. Скоро нам пришлось оттуда бежать, причём по другой дороге – не по Рязанскому шоссе, как мы приехали туда, а через Белорусскую железную дорогу. Нас вывезли оттуда на какой-то телеге. Сверху нас обстреляли немцы, но мы доехали до Боровска, а там сели в поезд и еле-еле добрались до Москвы. Вот так окончилась эпопея с моим школьным образованием.

ВГ: Что было потом, как продолжилась ваша учёба?

ДВ: Никаких учебных заведений у нас не было в 1941 г., так как все уехали. Мои школы закрылись. Но зато в конце 1941 года неожиданно открылся техникум, тоже авиационный, но приборостроительный. Он находился рядом с МИДом, в старом особняке на Смоленской площади, Мне посоветовали отдать туда документы, которые мне к тому времени вернули из техникума.

Туда я и поступил в конце 1941 года (первого года войны), а через четыре года я его окончил с отличием, получив техническую специальность и путёвку для поступления на работу или в ВУЗ. Я собрался было поступить в Авиационный институт (очень престижный в то время МАИ), однако судьба распорядилась иначе.

ВГ: Почему и как изменилась ваша судьба?

ДВ: Изучая механику, приборостроение и другие технические премудрости, я вдруг стал ощущать какую-то внутреннюю неудовлетворённость: тот ли путь в жизни я себе выбираю? В эти годы меня вдруг стала одолевать тяга к предметам, весьма далёким от профессии, которую я уже получил. Некоторые близкие мне люди (родственники и знакомые) рассказывали об искусстве, филологии, а те, кто как-то был связан с Востоком, говорили, как много интересного ты найдёшь в Японии, Китае, Персии. Одни соблазняли меня *Омаром Хайямом*⁹ и *Хафизом*¹⁰, другие – японскими танка и хайку, третьи – поэзией стихотворца *Ли Бо*¹¹ и чародеем-новеллистом *Пу Сунлином*¹². Конечным моим выбором стал Китай, и этот выбор оказался Судьбою.

МУ: Как всё же вы пришли к выбору именно Китая?

ДВ: Можно сказать, что в китаеведение меня привёл случай и некоторые обстоятельства, которые сыграли роль в выборе новой профессии. Но такие обстоятельства для будущего выбора профессии могут быть настолько «естественными», что человек уже изначально чувствует (или предчувствует), как сложится его дальнейшая судьба. Моя дочь *Наталья Воскресенская*¹³ стала востоковедом (правда не китаистом, а знатоком Юго-

⁹ *Омар Хайям* (1048–1131). Персидский философ, математик, астроном и поэт.

¹⁰ *Хафиз Ширази* (1325–1389/1390). Персидский поэт и суфийский шейх. Один из величайших лириков мировой литературы.

¹¹ *Ли Бо* 李白 (701–762/763). Великий китайский поэт. Современник Ду Фу.

¹² *Пу Сун-лин* 蒲松齡 (1640–1715). Китайский новеллист, писал под псевдонимом Ляо Чжай. Автор более 400 новелл о чудесах под общим названием «Описание чудесного из кабинета Ляо».

¹³ *Воскресенская Наталья Дмитриевна* (в замужестве Фошко, 1951 г.р.). Востоковед, к.филол.н. Окончила ИСАА МГУ по специальности кхмерский язык и литература.

Восточной Азии) не без прямого или косвенного влияния видного востоковеда деда (профессора *И.М. Ошанина*¹⁴) и отца, то есть меня. Она окончила Институт стран Азии и Африки при МГУ, защитила диссертацию по литературе Камбоджи, а потом уже в США получила учёную степень PhD в Университете Брауна. Мой сын *Алексей Воскресенский*¹⁵ также окончил ИСАА как филолог-китаевед. По окончании Университета работал как историк Китая в Академии Наук и защитил диссертацию. Он получил докторскую степень PhD в Манчестере (Англия), а в настоящее время – профессор и декан факультета Университета Международных отношений. Его профессия китаеведа сложилась, конечно же, не в отрыве от семейных традиций и от – если смотреть шире – китаеведческой науки и её ауры. Таким образом, можно сказать, что во всех этих случаях формирование профессии у моих детей отличалось от моего, и семейные традиции, конечно, сыграли роль.

МУ: Но что же повлияло на *ваш* окончательный выбор?

ДВ: У меня в техникуме был друг Никита, который жил на Гоголевском бульваре. У него в семье кто-то был из дипломатов, а кто-то из знакомых занимался персидским языком в Военном институте иностранных языков. Этот институт во время войны был на Волге, в Куйбышеве, а в 1945 году вернулся в Москву. Мне посоветовали подать заявление туда. Я колебался – ведь я же собирался поступать в авиационный институт! Мне ответили –

Работала в ИВ АН СССР. С 1991 г. живёт с семьёй в Бостоне (США). Окончила Браунский университет (Brown University), защитила докторскую диссертацию по русской литературе.

¹⁴ *Ошанин Илья Михайлович* (1900–1982). Китаевед, д.филол.н. (1947), профессор (1948). Окончил МИВ (1924). Сотрудник торгпредства СССР в Китае, аппарата военных советников в армии Фэн Юй-сяна (1924–1926), генконсульства в Шанхае (1927), посольства СССР в Китае (1933–1939). Сотрудник УТК им. Сунь Ят-сена в Москве. Преподаватель МИВ (1931–1935, 1939–1942), ВИИЯ (1942–1957), ВДШ МИД СССР (1939–1955). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1945). Редактор Большого китайско-русского словаря (1983). Лауреат Госпремии СССР (1982).

¹⁵ *Воскресенский Алексей Дмитриевич* (1960 г.р.). Китаевед, д.полит.н. (1998). Окончил ИСАА МГУ (1982). Завкафедрой востоковедения (2000–2007), декан факультета Политологии (с 2008) МГИМО(У) МИД РФ. Сотрудник ИДВ РАН. Главред журнала «Сравнительная политика».

Восток куда интересней! И действительно, я понял, что Восток – гораздо интереснее, тем более, что ещё в техникуме я почувствовал, что техникой заниматься не буду. Почти каждый день я ходил вечером в Ленинскую библиотеку – благо, идти по Старому Арбату было недалеко. И в Ленинке я читал совершенно не техническую литературу, а книги по искусству, философии, литературе, то есть меня явно тянуло в гуманитарную область. Востоком меня «соблазняли» двое – один занимался афганским языком – урду, он стал довольно известным педагогом-востоковедом, а второй завлекал персидским. Но как раз в тот момент моя тётя по линии отца сказала мне, что знакома с профессором английского языка *Зоей Михайловной Цветковой*¹⁶ (автором учебника *Advanced English*, который, кстати говоря, используется и сейчас). И тётя сказала мне: займись Востоком – или японским, или китайским языком! А Цветкова, собственно говоря, и посоветовала мне выбрать Китай. Она сказала, что Китай не очень выбирают, потому что больше предпочитают Японию, а ещё больше – Персию. И тогда я решил – пусть это будет Дальний Восток! Тем более, что у меня под рукой как раз была книга о Дальнем Востоке, вернее, о Тибете. Зоя Михайловна познакомила меня со слушателями ВИИЯ. Это был 1945 год, лето. Цветкова посоветовала мне заняться английским языком и самому заняться китайским, потому что там уже начались занятия. Она же назвала имя преподавателя китайского языка, с которым я потом познакомился, он мне дал основы иероглифики. Это был Хильченко, который в то время преподавал в Военном институте иероглифику и сам окончил Военный институт. Он меня немножко «натаскал» в плане языка, поскольку в Институте уже начались занятия. Мои документы приняли, и так я попал на Восточный факультет. Я был очень рад, что попал именно туда не только потому, что не было других возможностей, а потому, что слышал о нём много хорошего. Надо сказать,

¹⁶ *Зоя Михайловна Цветкова* (1901–1981). Филолог, педагог, профессор Института иностранных языков им. М. Горького, близкий друг М.И. Цветаевой (с 1932). См.: *Todd L., Драгунова Е., Цветкова З., Коф Е.* Курс английского языка. Часть 1. *Advanced English*. Под ред. *З.М. Цветковой*. Москва, ВИИКА, 1946. 624 с.

что в те годы Институт и факультет представляли собой гуманитарное заведение, в котором работали люди больших знаний и высокого интеллекта. Они вернулись из эвакуации и преподавали как на Западном факультете, так и на Восточном. На Восточном факультете я стал слушателем на китайской кафедре, куда и хотел попасть.

ВГ: В те годы в довоенной Москве приходилось ли вам видеть китайцев, которые жили в столице? Что это были за люди?

ДВ: Конечно, приходилось! Это были торговцы, их звали «ходзи». Они ходили с мешочками и сумками, продавали какие-то мелочи. Очень ценились их бумажные веера, разрисованные красиво и затейливо. Я очень любил продукцию этих торговцев, которые ходили и у нас в Ногинске. А во время войны я познакомился с китайцами из прачечной на Каляевской, она находилась на углу Садового кольца и Долгоруковской улицы. Когда я ещё учился на первом курсе, я как-то пришёл туда поговорить с китайцами. Они вытаращили глаза от удивления! Помню, кругом стоит пар, словно туман, а они большими глазами смотрят на меня и тархтят: откуда, мол, знаешь китайский язык? – Я пытался говорить с ними по-китайски, и это был мой первый опыт общения с живыми китайцами. Вот таким образом я постепенно и приобщился к своей профессии. Военный институт мне очень много дал.

МУ: Расскажите о вашей учёбе в ВИИЯ, о ваших учителях. Кто вас учил?

ДВ: Когда институт вернулся из эвакуации из Куйбышева, в нём, конечно, царил некоторый беспорядок. Но к моменту моего поступления в сентябре-октябре месяце кафедра уже была полностью укомплектована, и заведующим кафедрой стал Илья Михайлович Ошанин, который, кажется, всего за год-два до этого приехал из Китая. Он был там на дипломатической службе, если я не ошибаюсь, в Шанхае. Илья Михайлович сначала был заведующим китайского отделения в ВДШ – Высшей Дипломатической школе (возле Красных ворот), а потом перешёл в ВИИЯ. Я очень этому был рад – ведь это действительно был мой первый Учитель, который сумел собрать вокруг себя квалифицированных китаистов. На кафедре работал *Рудольф Всеволодович*

*Вяткин*¹⁷. Он, как ни странно, преподавал нам язык, а не историю. Вскоре на кафедру пришёл *Владимир Иванович Горелов*¹⁸, который тоже приехал из Китая. *Борис Степанович Исаенко*¹⁹, великолепный знаток устного китайского языка, который впоследствии стал заведующим кафедрой в МГИМО, впрочем, как и Горелов.

ВГ: Были ли среди преподавателей китайцы?

ДВ: На кафедре было несколько преподавателей-китайцев – это мои хорошие знакомые, я с ними был очень близок. Например, *Яша Краснов*²⁰ – не помню его китайское имя. Они почти все были коминтерновцами и преподавали китайский язык. Среди них был *Дашевский Яков Михайлович*²¹ – отец нашей Гали Дашевской. Не только у него, но и у других были русские имена и фамилии. На кафедре работал *Ван Гуан-мин*²² – известный работник Радиокомитета. Но всё же наиболее близкими мне учителями были Илья

¹⁷ *Вяткин Рудольф Всеволодович* (1910–1995). Китаевед. Окончил ДВГУ (1939). Доктор Honoris Causa. Впервые перевёл на русский язык с комментариями большую часть «Исторических записок» (Ши цзи) Сыма Цяня (в 2011 г. издание всего труда завершено учениками Р.В. Вяткина). Преподаватель КВП, ВИИЯ, МИВ, МГУ (1939–1956). Сотрудник Института китаеведения (1956–1958), ИВ АН СССР (с 1958). Завотделом Китая ИВ АН СССР (1960–1967).

¹⁸ *Горелов Владимир Иванович* (1911–1994). Китаевед, д.филол.н. (1968), профессор (1967), засл. деятель науки РСФСР. Окончил МИВ (1941). Участник ВОВ. Сотрудник Государственного музея народов Востока (1936–1937, 1943–1946) и Главного управления геодезии и картографии. Преподаватель МИВ Преподавал в МИВ, ВИИЯ (1946–1956), МГИМО (1956–1988). Переводчик 9 работ в «Избранных произведениях» Мао Цзэдуна (1952–1953). В КНР известен под китайским именем Го Цзюнь-жу 郭俊儒.

¹⁹ *Исаенко Борис Степанович* (1914–1965). Род. в Харбине. Китаевед, к.филол.н. (1950). Выпускник и преподаватель МИВ (1935–1942, 1947, 1954). Сотрудник института китаеведения АН СССР (1958–1960). «Пионер синхронного перевода с китайского языка» (переводил на съездах КПСС в Москве). Издал китайско-русский словарь «Опыт китайско-русского фонетического словаря» (1957). Выполнил ряд письменных переводов, в т.ч. работ Мао Цзэ-дуна.

²⁰ *Краснов Яков Михайлович* (этнический китаец), сотрудник кафедры китайского языка ВИИЯ, преподаватель военного перевода.

²¹ *Дашевский Яков Михайлович* (псевдоним, этнический китаец). Наиболее вероятно, что это Фу Цин-хуа (Fu Qinghua, 1904–1970), китайский коммунист. Род. в пров. Цзянси. Приехал в Москву в 1925 г. и жил в ней до 1953 г. Работал в КУТВ, Генштабе РККА, ИККИ и Международной Ленинской Школе. В декабре 1965 г. объявлен «ревизионистом», исключён из партии. Через 10 лет реабилитирован с восстановлением членства в партии.

²² *Ван Гуан-Мин* (?-?). Преподаватель китайского языка, диктор Радиокомитета. Автор пособий и переводов с кит. языка. См.: *Ван Гуан-Мин. Рассказы китайских писателей*. В 2 т.: Пер. с китайского. Москва: Гослитиздат, 1959. Т. 1. 1959. 440 с. Т. 2. 1959. 383 с.

Михайлович Ошанин и Чжоу Сун-юань²³. Чжоу Сун-юань был великолепный знаток китайского языка и прекрасный знаток русского языка. Он приехал из Владивостока, где окончил институт (кажется, технический), а когда он приехал в Москву, то стал преподавателем. Жил он на Гоголевском бульваре, где я был не раз. У него была русская жена, очень милая женщина. Хотя в годы «культурной революции» Чжоу жил в Москве, он принимал очень близко к сердцу невзгоды родной страны. Он очень переживал и рано умер. Чжоу был отличный знаток языка, у него даже есть небольшой учебник разговорного языка. В то время, когда я учился, Илья Михайлович и Чжоу Сун-юань как раз создавали пособие по языку. Этот учебник у меня сохранился, не знаю, есть ли он где-то ещё. Ошанин делал пособие по деловому стилю, которое издавалось, как и другие учебники, не в России, а в Германии, в Лейпциге, где имелась китайская типография. В это время у нас развивались связи с ГДР, и там печатались разные издания включая учебники и пособия по китайскому языку.

ВГ: Колоколов не преподавал у вас?

ДВ: Нет, *Всеволод Сергеевич Колоколов*²⁴ у нас не преподавал, но он был у нас Председателем Государственной экзаменационной комиссии и я имел честь сдавать ему государственный экзамен. Кажется, он был мною доволен. Так я с ним познакомился. С Всеволодом Сергеевичем я потом встречался не раз, ведь они с Ильёй Михайловичем были друзьями. С Колоколовым я виделся и в Москве (он жил на Беговой), я бывал у него дома по каким-то институтским делам. Я встречался с ним и позже, когда уже пошёл работать на филологический факультет, а он в то время преподавал на истфаке. Колоколов был, как известно, оригинальной личностью!

²³ Чжоу Сун-юань (?-?). Преподаватель китайского языка, автор Пособия по китайскому языку (совместно с И.М. Ошаниным). См. также: *Го Мо-жо. Песнь о бушующей волне.* / Перевод с кит. Ю.Л. Гаруцянца. Под ред. Чжоу Сун-юаня. М., б.и., 1962. 212 с.

²⁴ Колоколов Всеволод Сергеевич (1896–1979). Китаевед, к.филол.н. (1935), профессор (1935). Родился в Кашгаре. Окончил восточное отделение академии РККА (1920–1922). Преподавал в Военной академии РККА и МИВ (1922–1937), ИКП (1935–1937), Высшей спецшколе РККА (1939–1942), Военной академии (1947–1957), МГУ (1951–1954). Работал в КУТВ (1923–1924), УТК им. Сунь Ят-сена (1925–1927), ИВ АН СССР (1949–1979).

ВГ: Вы писали, что он был очень экстравагантным человеком. В чём проявлялась эта его экстравагантность?

ДВ: Экстравагантность проявлялась в том, что он был, во-первых, вспыльчив и упрям. По слухам, у него были частые конфликты на работе, например, в армии, где он служил. Говорят, что он был чуть ли не полковником. Говорят, он там со всеми переругался, хотя, возможно, это только слухи. Я был слишком мелкой сошкой, и у нас с ним были очень хорошие, тёплые отношения. Я с Всеволодом Сергеевичем встречался у Ильи Михайловича Ошанина, когда жил какое-то время у него. В те годы Илья Михайлович работал над своим знаменитым Большим китайско-русским словарём (БКРС), и его дом стал местом встреч знаменитых китаеведов Москвы. Туда приходили и Колоколов, и другие китаеведы, причём не только из Москвы, но и из Санкт-Петербурга. В его доме я познакомился и с *Василием Михайловичем Алексеевым*²⁵, и с другими питерцами, не говоря уже о москвичах... Особенно часто посещали его дом московские китайцы, например, *Цзэн Сю-фу*²⁶. Часто бывал у него *Советов-Чэнь*²⁷ (Чэнь Чан-хао), думаю, эта фамилия вам известна. Если я не ошибаюсь, сын Советова работал в МИДе. У меня остались фотографии того времени, так как я сохранил часть архива Ильи Михайловича. Когда он умер, его супруга

²⁵ *Алексеев Василий Михайлович* (1881–1951). Китаевед: литературовед, историк, знаток культуры Китая. Академик АН СССР (1929). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904–1909). Преподаватель СПбУ/ЛГУ (1910–1951). Сотрудник Азиатского музея / ИВ АН СССР (1902–1951). Член американской Академии политических и социальных наук (1923). Член Союза писателей СССР (с 1947).

²⁶ *Цзэн Сю-фу* (Сяо Чжан, Чжан Суй-шань), этнический китаец, псевдоним: Калашников. Выпускник УТК им. Сунь Ят-сена. Работал в аппарате Коминтерна. Ист.: Полный список студентов УТК-КУТК / *Е Фань*. Роль СССР в подготовке военно-политических кадров для Китая в 1920–1930-е гг. Дисс. канд. ист. наук, спец. 07.00.02. С. 254.

²⁷ *Советов-Чэнь И.И.* (*Чэнь Чан-хао*). Преподаватель и переводчик. С юности жил и работал в СССР. Преподавал китайский язык в ряде вузов Москвы. Вместе с более чем десятком других китаистов переводил сочинения Мао Цзэ-дуна (в 4-х тт.), участвовал в создании 4-томного Большого китайско-русского словаря (1983–1984). Один из авторов известного учебника: *Исаенко Б., Коротков Н., Советов-Чэнь И.* Учебник китайского языка. Под ред. *Н.Н. Короткова*. М., 1954. 540 с. См. также: *Чэнь Чанхао* (Измурдов, студент КУТК). «Русско-китайский словарь», около 26000 слов. Москва, 1951 г.

Екатерина Евгеньевна передала мне некоторые бумаги и фотографии. Кое-что я опубликовал потом в альманахе «Восток–Запад», но, к сожалению, не так много. Эти бумаги и фотографии, касающиеся Китая и китаистов, могут представлять большой интерес. Надо сказать, к работе над словарём Илья Михайлович привлёк хороший коллектив китаистов. Например, среди них был кореец Торопов, хорошо знавший китайский язык. Потом Торопов перешёл в ИСАА, где на корейской кафедре преподавал уже корейский язык. Это были уже 1950-е годы.

ВГ: Илья Михайлович Ошанин – историческая фигура для всех китаеведов. Каким он был человеком, каким преподавателем?

ДВ: Он был очень умным, интересным и очень знающим человеком с богатой биографией. Происходил из интеллигентной, не слишком зажиточной, но видной семьи. Его отец служил до революции крупным юридическим лицом в Польше и имел чин сенатора. Илья Михайлович родился в Ярославле, в дворянской семье, он был дворянин. Блестяще окончил гимназию в Санкт-Петербурге, а потом уехал из Питера, покинув семью. Почему – об этом нигде не пишет, а я его не спрашивал. Он уехал в Москву, а когда началась революция поступил в Красную армию. И в первые годы он связал себя с армейской службой, где служил делопроизводителем. Потом, когда изучил китайский язык (а он поступил на восточные курсы в начале 1920-х годов), его сделали драгоманом, и в 1920-х годах он впервые отправился в Китай. В Китае он познакомился со многими китаистами старого поколения, например, с *Алексеем Петровичем Рогачёвым*²⁸, который впоследствии стал заведующим кафедрой у нас в ИСАА. Илья Михайлович знал многих известных людей. Он был знаком с дипломатами, поскольку работал в посольстве и в Шанхайском консульстве. Илья Михайлович преподавал языки. Он был увлечён китайским языком, поэтому знал многих

²⁸ *Рогачёв Алексей Петрович* (1900–1981). Китаевед-филолог, дипломат, переводчик. Окончил МИВ. Сотрудник генконсульства СССР в г. Урумчи (1928–1934). Сотрудник отдела информации генконсульства СССР в г. Харбин (1936–1939). Преподаватель в МИВ (с 1939). Профессор ИСАА при МГУ.

китаеведов. Эту сторону его деятельности я даже не раскрываю, потому что это ясно всем, кто видел, как он работает над словарём – с утра до вечера сидел и правил листы словаря. У меня сохранились отдельные листы, где он писал и исправлял иероглифы; эти листы ему преподносили его ученики. Эту увлечённость ценили все китаисты, кто его знал. Илья Михайлович был очень образованный человек. Он знал польский, французский, немецкий язык. Знал, естественно, английский язык. То есть, он был человек большой культуры, который привнёс эту культуру, так получилось, и в военное заведение. Это не могло не отразиться на нас, слушателях и студентах. На первом курсе он решил создать особую группу, которая занималась бы в два раза быстрее. И вот он собрал с первого курса отличников (я был в их числе). На втором курсе у нас оказалась группа очень сильных ребят. Но, конечно, полностью так, как он хотел, не произошло – за пять лет пройти материал десяти лет. Эта мечта не осуществилась, то ли потому, что не было пособий, то ли потому, что преподавателей не нашлось. Но в группе действительно собрались талантливые студенты. Это мои друзья – *Марк Шнейдер*²⁹, Николай Макаревич, которые работали в разных местах, Юрий Фёдоров, который потом работал в Интуристе, занимал высокую должность. Из китаеведов в этой группе остались только Марк Шнейдер и я. А было нас довольно много, потому что в 1945-м году было набрано три больших группы – около 60 китаеведов. Наша группа была одной из них. Но мы говорили об Ошанине... в эти и последующие годы он преподавал в ВИИЯ и Дипломатической школе, занимался научной работой и составлением словаря.

ВГ: Какой характер у него был?

²⁹ *Шнейдер Марк Евсеевич* (1921–1981). Китаевед, филолог, переводчик. Д.филол.н. (1977). Сотрудник Ин-та китаеведения (1957–1961), ИВ (1961–81) АН СССР. С 1968 – сотрудник группы по выпуску ежегодника «Аналитический обзор китайской литературы». Изучал историю и теорию китайской художественной литературы новейшего времени, творчество китайских писателей. Соч.: *Шнейдер М.Е.* «Цюй Цюбо – революционер, писатель, боец». М., 1960; «В поисках «литературы для жизни». Произведения Леонида Андреева в Китае. // Изучение китайской литературы в СССР. М., 1973. С. 206-233; Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творческое освоение. М.: Наука, 1977.

ДВ: Как вам сказать... Характер у него был не такой, как у Всеволода Сергеевича Колоколова. Характер у него был хороший, это был интеллигентный, тактичный и доброжелательный человек. Он умел обращаться с людьми, с мужчинами и с дамами, дворянская кровь в нём чувствовалась. Видимо, таким он был с самого детства. Он прекрасно знал литературу и музыку, сам играл, очень любил дирижировать. Я уже говорил, что жил какое-то время в его семье. Порой, приходя вечером домой, он начинал дирижировать, вспомнив какой-то мотив. Прекрасно зная литературу, он нередко рассказывал о книгах. Он был дружелюбен, и это все чувствовали, поэтому вокруг него всегда были друзья и знакомые. Это был человек той группы людей, которых часто не хватает в нашей жизни. Люди чувствовали его благородство, тактичность, интеллект. Эти качества особенно необходимы преподавателям, и это чувствовали студенты. Илья Михайлович умел передать такие качества ученикам, которые видели его увлечённость и трудолюбие. Об этом говорит его работа над словарём. Огромный словарь, который он редактировал, – это была большая и трудная работа. Я это помню, так как некоторые этапы этой работы происходили на моих глазах. Я имею в виду трудности – где печатать, как печатать, кто будет работать и так далее. Но он сумел собрать вокруг себя многих китаеведов – это была большая группа «словарников».

МО: Почему именно Ошанину выпало возглавить работу над словарём?

ДВ: Это были 50-е годы, расцвет советско-китайской дружбы. Вышло постановление ЦК партии, что надо срочно делать словарь. Лучшим организатором в этом отношении считался Илья Михайлович Ошанин, поскольку он был в Китае ещё в 1920-1930-х годах, хорошо знал Китай, занимался наукой. В 1950-х годах он защитил докторскую диссертацию, его руководителем был академик Алексеев. В итоге именно он создал группу словарников. Фактически все молодые преподаватели, которые занимались китайским языком, прошли через эту школу. У меня сохранились многие материалы.

МО: А вы участвовали в работе над словарём?

ДВ: Я не участвовал, потому что я в это время уже преподавал в МГУ и вскоре поехал в Китай. А когда я приехал из Китая, я один год работал в секторе *Эйдлина*³⁰ по литературе (я уже стал заниматься литературой) и преподавал язык в МГУ. А нужны были китаисты-лингвисты. И молодые лингвисты, преподававшие язык, а их было очень много, приступили к работе над словарём. Впрочем, над словарём работали не только лингвисты, включая *Солнцева*³¹ и *Прядохина*³², но и переводчики, например, переводчик «Троецарствия» *Панасюк*³³. В общем, над словарём поработали если не все китаеведы, то многие. Некоторые приезжали сюда с периферии. Им негде было устроиться на работу и Илья Михайлович брал их к себе. Одним словом, это был человек, который сделал много добрых дел для синологии и синологов.

МУ: Как он относился к своим ученикам и, в частности, к вам лично?

ДВ: Ко мне лично? Как-то я перебирал его архивные документы, его автобиографию и отчёты и увидел, к своему удивлению, отчёт начальнику института, генерал-лейтенанту *Биязи*³⁴, в котором Ошанин перечислил своих хороших учеников. Так вот, на третьем курсе он называет меня и Володю Романова ... В 1947 году нас уже оформляли в Китай, но, к сожалению, а, может быть, и к счастью, мы не поехали, ведь это было ещё до 1949 года.

³⁰ *Эйдлин Лев Залманович* (1910–1985). Китаевед, литературовед. Д.филол.н. (1969), профессор (1969). Окончил МИВ (1937). Преподавал в МИВ (1937–1941) и ВИИЯ (1941–1952). Сотрудник ИВ АН СССР (1944–1957, 1959–1985), Института китаеведения (1957–1959). Член Союза писателей СССР (с 1950). Заслуженный деятель науки РСФСР (1980).

³¹ *Солнцев Вадим Михайлович* (1928–2000). Китаевед. Окончил МИВ (1949). Д.филол.н. (1970), профессор (1971). Членкор АН СССР (1984). Сотрудник (с 1958), замдиректора ИВ АН СССР (1965–1986), директор Института языкознания (1987–2000).

³² *Прядохин Михаил Георгиевич* (1925–1989). Китаевед, к.филол.н. (1969), доцент (1972). Сотрудник Института китаеведения и ИВ АН СССР (1957–1961), преподаватель МГИМО-МИД (1960–1966), ИСАА при МГУ (1972–1985).

³³ *Панасюк Владимир Андреевич* (1924–1990). Литературовед, востоковед и переводчик с китайского языка. К.филол.наук (1954). Переводчик романов «Троецарствие», «Сон в красном тереме» и др.

³⁴ *Биязи Николай Николаевич* (1893–1973). Советский военачальник, спортсмен, писатель, генерал-лейтенант. Первый руководитель Института военных переводчиков, один из первых советских футбольных судей.

Володя Романов умер. Я остался здесь, в Москве, и окончил институт. В общем, Ошанин был не только очень интересным человеком, но и опытным педагогом. Он умел увлечь людей и (поскольку он многое знал) показать им путь в жизни. У него была масса знакомых за границей, в том числе и в Китае. С китайцами у него была активная переписка – от него осталась целая груда писем из той переписки, китайцы присылали ему поздравления и письма по поводу словаря. Например, среди них был крупнейший лингвист *Ван Ли*³⁵, *Ли Цзинь-си*³⁶ и другие. Некоторые приезжали в Москву ещё в 1945 году. Ещё больше их было после 1949 года. В то время я ещё учился и видел гостей из Китая собственными глазами. Когда я учился, материалов у нас было очень мало. Порой мы читали газету «Синьхуа Жибао» – это была редкость. А из словарей пользовались словарём В.С. Колоколова. Не знаю, видели ли вы его?

ВГ: Видели.

ДВ: Так вот, лишь этим словарём мы пользовались, других у нас не было. И только к концу обучения, в 1948 году, мне прислали словарь *Ван Юнь-у* – словарь «по четырём углам»³⁷. Я иногда даю загадки своим студентам, они должны уметь искать иероглифы по четырём углам. А потом появились словари *Цыхай*³⁸, *Цыюань*³⁹, и т.д. и т.п. Всё это происходило на моих глазах. Учиться было трудно, но я очень рад, что окончил этот институт, он мне много дал. Я очень благодарен и своим учителям, с которыми у меня были доверительные и тёплые отношения до самого последнего дня!

³⁵ *Ван Ли* 王力 (1900–1986). Лингвист, историк китайского языка. Учился в университете Цинхуа в Пекине и в Парижском университете.

³⁶ *Ли Цзинь-си* 黎錦熙 (1890–1978). Лингвист, педагог, общественный деятель. Автор «Новой грамматики китайского языка» (1924) – первого всеобъемлющего и систематического описания современной китайской грамматики.

³⁷ *Ван Юнь-у* (1888–1979). Филолог. Разработал систему поиска иероглифов по четырём углам. Черты, образующие углы иероглифа, в зависимости от их конфигурации, кодируются четырьмя однозначными цифрами по четырём углам, в последовательности: левый верхний, правый верхний, левый нижний и правый нижний.

³⁸ *Цыхай* 辞海 «Море слов». Энциклопедический словарь. Первое издание – 1936 г.

³⁹ *Цыюань* 辞源 «Источник слов». Толковый словарь. Первое издание – 1915 г.

ВГ: По какому адресу проживал Ошанин?

ДВ: Бережковская набережная, дом 42-й, квартира 46, 3-й этаж. Кто там сейчас живёт – не знаю. Там, собственно говоря, и закончилась история этой семьи. Сначала квартира принадлежала *Георгию Максимовичу Пушкину*⁴⁰, представителю СССР в

ГДР, он был посланником. Они делили эту квартиру пополам. Это было ещё в 1940-х годах. Потом Пушкин получил квартиру в новых домах, а семья Ошанина осталась здесь. Это была трёхкомнатная квартира – могу описать её. Самой главной «комнатой» была, пожалуй, кухня, в которой стоял большой стол. За этим столом происходило много интересных вещей. Все встречи проходили именно здесь, за столом. Я, например, там встречался почти со всеми китаеведами, в том числе с Василием Михайловичем Алексеевым, который сидел, довольный и расслабленный, выставив свой живот, и попивал коньячок, увлечённо рассказывая о своих путешествиях в Китае. Василий Михайлович произвёл тогда на меня большое впечатление.

ВГ: Значит, с академиком Алексеевым вы познакомились за коньячком?

ДВ: Да, в какой-то степени за коньячком, но я больше слушал академика. Я был очарован им! Вот это был рассказчик! Он рассказывал о старом Китае, в лицах, имитировал китайцев, китайскую речь – это было страшно интересно. Это был удивительный человек. Так что за этим столом происходило многое. Сам Илья Михайлович обожал раскладывать пасьянсы, вместе с супругой Екатериной Евгеньевной. Они раскладывали пасьянсы почти каждый вечер, чему я всегда удивлялся. Их любимый пасьянс, кажется, назывался «Симпатия». Как я уже говорил, в доме постоянно были гости. Каждый вечер – китайцы или наши китаисты, но обязательно кто-то был. Его жена,

⁴⁰ *Пушкин Георгий Максимович* (1909–1963). Дипломат, Посол СССР в Венгрии (1948), глава дипломатической миссии в ГДР (1949), Посол СССР в ГДР (1954).

Екатерина Евгеньевна Фортунатова – была из клана известной фамилии Фортунатовых. Один из Фортунатовых был знаменитым филологом XIX века. Не знаю, была ли она его близкой родственницей. Она происходила из семьи дипломатических работников, связанных с Китаем, и это говорит уже о чём-то. Её отец был доктором, который работал в Китае, в Шанхае, на соответствующих должностях ⁴¹. В 1937 году он был арестован и исчез. У меня сохранилось письмо его жены, Александры Васильевны, где она обращается к *Иосифу Виссарионовичу Сталину* ⁴² об освобождении мужа, но из этого ничего не получилось. Доктор Фортунатов был известный человек и, видимо, руководитель какой-то группы наших специалистов в этой области в Китае. У Екатерины Евгеньевны был ещё брат ⁴³ (я с ним никогда не встречался), который тоже занимал дипломатический пост и тоже был в Китае. Он тоже исчез в 1937 году. Так что эта семья пережила трагедию, которая в те времена случалась у многих.

ВГ: «В этой области» – вы имеете в виду разведку?

ДВ: Да. Но это обычная дипломатическая разведка, которая существует во всех крупных странах. Когда Илья Михайлович умер (ему было 82 года), я был на похоронах, его похоронили на Даниловском кладбище. К сожалению, я давно там не был... Там же, кстати, похоронен и Марк Шнейдер, и родственники моей второй супруги Нелли, семья которой пережила похожую судьбу... Как я уже говорил, Екатерина Евгеньевна после ухода Ильи Михайловича оставила мне часть архива. Архив небольшой, так как Илья

⁴¹ *Фортунатов Евгений Алексеевич* (1883–1938). Врач. Член ВКП(б). В 1917–1937 гг. заведовал музеем УНКВД ЛО, проживал: г. Ленинград. Долго жил в Китае, имел отношение к советской разведке. Арестован 19.03.1937 в СССР. 4.01.1938 приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 11.01.1938. Реабилитирован посмертно 6.08.1958.

⁴² *Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович* (1878–1953). Революционер, коммунист. Государственный лидер в СССР начала 1920 до начала 1953. Один из вождей ВКП(б) и международного коммунистического движения. Объект культа личности.

⁴³ *Фортунатов Евгений Евгеньевич* (1904–1939). Член ВКП(б), сотрудник ГУГБ НКВД СССР, ст. лейтенант госбезопасности. Работал в Китае. Арестован 13.03.1939 в Москве, по обвинению в шпионаже. Расстрелян 25.09.1939. Место захоронения: Москва, Донское кладбище. Реабилитирован посмертно 17.10.1956.

Михайлович не писал дневников и воспоминаний – жалко, но понятно, почему он не писал. Но кое-что сохранилось в остатках архива, о чём я уже написал. Одна статья пошла в журнал Института Дальнего Востока, а вышла под редакцией *Мясникова*⁴⁴ – мы с Владимиром Степановичем говорили об архиве, и я написал статью в альманах «Восток–Запад». Но об Ошанине, конечно, нужно писать больше, и я бы написал ещё, но всё не было подходящей возможности...

ВГ: А есть ли в этих архивах материалы о работе Ошанина в университете трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена в Москве? О том, что он работал в НИИ по Китаю при КУТК, вспоминали выпускники этого университета⁴⁵.

ДВ: Нет, таких материалов я не видел. Он работал в ВДШ (Высшей Дипломатической школе), а до этого работал в Институте востоковедения. Может быть, он преподавал и в университете им. Сунь Ят-сена, но нигде в его автобиографии об этом не сказано. Что до Института востоковедения, то это старый ещё институт, где он сам когда-то учился, вот там он и преподавал. Когда я демобилизовался в 1954 году из армии Илья Михайлович предложил мне преподавать в Высшей Дипломатической школе. Там я проработал на должности старшего преподавателя три года⁴⁶, пока учился в аспирантуре МГУ, то есть до поездки в Китай в 1957 году.

ВГ: Есть ещё вопрос по вашим студенческим годам: трудно ли было изучать китайский язык?

ДВ: Вы знаете, надо мной многие посмеивались – Дима, мол, и по ночам, во сне что-то изучал. Мне нравился китайский язык. Может, это несколько

⁴⁴ *Мясников Владимир Степанович* (1931 г.р., Москва). Востоковед, китаевед, д.и.н. (1978), профессор (1982), академик РАН (1997). Д.и.н., профессор. Исследователь истории российско-китайских отношений, внешней политики России, исторической биографии. См. текст интервью: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / Под ред. *В.Ц. Головачёва*. М., 2014, Том I, С. 322-349.

⁴⁵ См.: *Шэн Юэ*. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания // Пер. с англ., комментарии, предисловие и послесловие *Л.И. Головачёвой* и *В.Ц. Головачёва*. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2009. С. 68.

⁴⁶ Позднее Д.Н. Воскресенский также принимал экзамены в Дипломатической академии. – Сообщение А.Д. Воскресенского.

странно звучит, но мне нравилась и нравится необычность этого языка, его, так сказать, эстетика, образность. Я веду занятия по истории литературы XVI, XVII веков и современной литературы, и на многих примерах вижу особость китайской словесности. Когда я окончил институт, я подавал заявление в аспирантуру Академии наук по секции языкознания. И этот интерес к языку сохранился у меня на всю жизнь. Я глубоко убеждён в том, что преподавать китайский язык нужно обязательно передавая его красоту, его гармонию, его образность, чтобы студенты это понимали на примерах.

ВГ: Но в те годы, когда вы сами были студентом, как вы справлялись, как сами учили китайский язык?

ДВ: Как я учил? Я прописывал каждый иероглиф по несколько раз и на занятиях, и дома раз пятьдесят. И потом эти иероглифы оставались в памяти на долгое время. К сожалению, сейчас я начинаю уже кое-что забывать. А раньше это было так. Мы соревновались в знании иероглифов. В нашей группе был Николай Чернецкий, мой друг, которого, к сожалению, выгнали из института по какой-то статье. Это был 1947 год, когда многие студенты покончили с китаистикой. Среди них были талантливые люди... Так вот, мы с Колей всё время соревновались, кто больше знает иероглифов. Когда я окончил институт, я знал действительно немало – у меня даже сохранилась тетрадь, где я прописывал эти иероглифы – их действительно было много. Так что эта институтская закваска сохранилась у меня на многие годы.

ВГ: А простой разговорный язык вам преподавали?

ДВ: Ну, конечно, у нас было несколько преподавателей-китайцев, которые вели у нас простой разговорный, они учили нас говорить, дали нам навыки устной речи. С Всеволодом Сергеевичем Колоколовым мы, помнится, разговаривали на госэкзамене на китайском языке, и он даже удивился, сам он говорил просто блестяще. В 1948 году, ещё до провозглашения КНР, мне предложили поработать переводчиком с китайцем, крупным генералом китайской Красной армии, который приехал сюда лечиться. Его фамилия была Чжоу, если я не ошибаюсь. С ним я тоже практиковался в устном

переводе. Я провёл с ним примерно месяц-два. Мы жили в Архангельском, и нам обоим очень понравилось там, не только потому, что там хорошо кормили (действительно, давали севрюгу и икру).

Но потом начались занятия, и я вернулся в институт. Как я уже говорил, меня оформляли на работу в Китай ещё до 1949 года, но что-то тогда не получилось. А когда я окончил институт, то встал вопрос, куда меня распределять.

ВГ: Как решился этот вопрос? Куда вас в итоге распределили?

ДВ: В 1950 году я окончил институт. Было лето, а осенью я уже уехал из Москвы. По поводу распределения мне сказали так: поскольку вы вдвоём, то устроить вас в Москве трудно (а я был военнообязанный, как и моя супруга). Я подавал заявление в аспирантуру Академии наук, но оно «повисло в воздухе». Правда, у меня даже принял экзамен *Борис Климентьевич Пашков*⁴⁷ – профессор из Владивостока. Он был из категории старых китаеведов Владивостока. Нашу группу раскассировали, и всех отправили в разные места: кого-то в Камень-Рыболов в Приморье, кого-то в Хабаровск, куда-то на границу. А я попал в город Канск. Почему? Потому что туда переехало Училище военных переводчиков, которое было когда-то во Владивостоке, потом в Чите, а потом переместилось в Канск, то есть в Красноярский край, в Сибирь. Туда ссылали раньше. Кажется, в этом городе раньше был в ссылке академик *Н.И. Конрад*⁴⁸, он даже сам писал об этом. И вот там я стал работать преподавателем и, в общем, тоже неплохо, потому что это была моя профессия. Два года я там проработал.

⁴⁷ *Пашков Борис Климентьевич* (1891–1970). Калмыцкий учёный, д.филол.н., профессор. Окончил маньчжурско-китайское и японско-китайское отделения Восточного института во Владивостоке (1917), изучал монгольский и корейский языки. Директор Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории (1957–1959), заслуженный деятель науки РСФСР.

⁴⁸ *Конрад Николай Иосифович* (1891–1970). Востоковед, специалист по истории китайской и японской мысли, академик АН СССР (с 1958). Исследовал историю эстетики, литературы и театра стран ЮВА, проблемы восточных языков, теории исторического процесса, философской компаративистики. Арестован (1938), находился в Канских лагерях (до 1941).

А потом у нас в семье произошёл раскол, и моя супруга уехала в Москву с дочкой Наташей, а меня перевели в Хабаровск, в Политуправление, отдел спецпропаганды. Я работал там с китайским и английским языком. В то время как раз началась война в Корее. Китайцев в нашем отделе не было, но были наши китаисты, в общем-то, неплохие. Начальником отдела был полковник *Иван Иванович Коваленко*⁴⁹, которого потом перевели в Москву. Его сын сейчас работает журналистом в Париже, я с ним встречался – он, кажется, японист. В общем, в Хабаровске собралась публика, знающая китайский язык. Но всё же, конечно, для меня это были потерянные годы, хотя вскоре они восполнились аспирантурой в МГУ в Москве.

ВГ: В 1954 году вы демобилизовались?

ДВ: Да, я проработал там год, с 1953 по 1954, и поскольку в это время как раз шла демобилизация, я подал заявление. Мне повезло, в другие времена меня бы вряд ли демобилизовали. Я получил звание старшего лейтенанта и ждал капитана, но, увы, не дождался. Впрочем, это меня особо не волновало, потому что я уже видел свою новую судьбу.

Я уехал в Москву, где сразу поступил на филфак, в аспирантуру восточного отделения, которое как раз открылось. Сдавал экзамены, всё прошло нормально. Это был как бы прообраз ИСАА. Это было восточное отделение, где был и арабский, и другие языки, а возглавлял его профессор Дмитриев, который занимался Ближним Востоком. Но была группа, которую возглавила *Любовь Дмитриевна Позднеева*⁵⁰. Она как раз приехала из Ленинграда и организовала китайскую группу. Понятно, почему – это был 1954 год, расцвет наших отношений с Китаем. Появились сразу четыре аспиранта. В их числе был я, который поступил как филолог-литературовед,

⁴⁹ *Коваленко Иван Иванович* (1918–2005). Японист, д.и.н. (1976), профессор (1979). Окончил МИВ (1940). Служил в армии, участник ВОВ. Ответственный работник ЦК КПСС (1963–1989). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1989).

⁵⁰ *Позднеева Любовь Дмитриевна* (1908–1974). Китаевед, д.филол.н. (1956). Окончила ЛГУ (1932). Дочь известного востоковеда Д.М. Позднеева (1865–1937). Преподаватель ДВГУ (1932–1939), МГУ (с 1944). Специалист по китайской литературе.

а также *Виктор Сергеевич Манухин*⁵¹ – тоже филолог (он стал заниматься романом «Цзинь Пин Мэй», а я – романом У Цзин-цзы, «Неофициальная история конфуцианцев»). Было ещё два лингвиста – Инна Любимова, которая потом куда-то исчезла, и Сталь Кишинский, он немного преподавал у нас на факультете, а потом тоже куда-то уехал. Вот это и была первая группа китаистов ИСАА. В 1956 году – в год образования ИСАА – я оформился от ИСАА и Министерства высшего образования на обучение в КНР, в китайской аспирантуре.

ВГ: Вы сами выбрали тему исследования, или кто-то вам её посоветовал?

ДВ: О, это была целая история! В какой-то степени это вышло случайно. Поскольку мне нравилась китайская классика и китайский язык, мне хотелось остановиться на произведении, которое давало мне многое в области не только языка и словесности, но и культуры. Я посоветовался с Ильёй Михайловичем Ошаниным. Сначала он предложил мне роман XIX века, названия я сейчас и не вспомню, а позднее предложил переводить *Жулинь вайши*, «Неофициальную историю конфуцианцев». Почему? Потому что это один из пяти классических романов, которые как раз в то время переводились здесь, в Москве. Дело в том, что в это время В. Панасюк переводил *Саньго чжи* («Троецарствие»), Рогачёв – *Шуйху чжуань* («Речные заводи»), он же, вместе с Колоколовым – *Сию цзи* («Путешествие на Запад»). Романом *Цзинь Пин Мэй* («Цветы сливы в золотой вазе») занимался Манухин. Оставался *Жулинь вайши*, поэтому я его взял для исследования и перевода, и до сих пор об этом не жалею. Я написал диссертацию, но не успел защититься, потому что в 1957 году меня отправили в Китай, в аспирантуру Пекинского университета.

⁵¹ *Манухин Виктор Сергеевич* (1926–1974). Китаевед, литературовед, переводчик, доцент ИВЯ–ИСАА при МГУ. Автор перевода на русский язык и исследователь средневекового китайского романа-эпопеи в прозе и стихах «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе» (XVI в.).

ВГ: Как происходило ваше оформление в Китай? К примеру, *Михаил Васильевич Крюков*⁵² рассказывал, что как-то встретил на улице в Москве своего одноклассника, Владимира Мясникова, который сказал: «Извини, я тороплюсь, тут оформляют документы в Китай». Крюков воскликнул: «Как так?! Ты едешь в Китай и молчишь?!», и тоже побежал оформлять документы. Так и попал на учёбу в Китай.

ДВ: С Мишей Крюковым я знаком очень давно, с момента начала наших общих встреч. Более того, в феврале месяце 1957 года мы вместе отправились в Китай в первой группе. Это была группа в 50 человек⁵³. Набирали её, видимо, несколько лет, из разных заведений и людей разных специальностей. В эту группу попали не только китаеведы, но и люди, не знавшие языка вообще, то есть те, которые занимались, например, медициной, искусством, чаеводством, философией и т.д. Кто был в этой группе, как мы собирались? Это были незнакомые мне люди, никого из них я толком не знал. В конце 1956 года нас собрали на Цветном бульваре, в каком-то отделении Министерства высшего образования. Там нам подробно объясняли, что нас ждёт. Как я сказал, это была первая группа из 40-50 человек разных специальностей. В группу входил и М.В. Крюков, который уже знал китайский язык. В этой же группе был *Миша Титаренко*⁵⁴. Он в то время китайского языка ещё не знал, но зато был очень активным комсомольцем с философского факультета. В аспирантуре были я, *Женя Виноградов* из Ленинграда⁵⁵, *Стас Былинjak*⁵⁶, *Вадим Шабалин*⁵⁷ (фамилия

⁵² *Крюков Михаил Васильевич* (1932 г.р.). Китаевед. Д.и.н. (1972), профессор. Окончил МГИМО МИД СССР (1955), Пекинский университет (1962). Академик Европейской Академии, почётный член Британского королевского антропологического института. Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1957), института этнографии (с 1962), ИДВ РАН (с 2002). Профессор Тамканского университета (Тайвань, 1993–2002).

⁵³ В составе группы было 56 человек. Группа выехала в Китай в сентябре 1957 г. – ред.

⁵⁴ *Титаренко Михаил Леонтьевич* (1934–2016). Китаевед, д.филос.н. (1979), профессор (1994), академик РАН (2003). Директор ИДВ РАН (с 1985). Лауреат государственной премии РФ (2011).

⁵⁵ *Виноградов Евгений Алексеевич* – экономист. В составе первой группы из 56 советских специалистов выехал в сентябре 1956 г. на стажировку в КНР.

вам известная, он был аспирантом-экономистом). Из студентов были: Титаренко, *Решетов* из Санкт-Петербурга ⁵⁸, который занимался этнографией. Был Володя Гусаров, который занимался языком и литературой, а впоследствии работал там (в Ленинграде) парторгом. *Аким Торопов*⁵⁹ был тоже из Ленинграда. Был Карл Кондратьев и другие. Были и дамы, например, *Зина Лапина* ⁶⁰ (сейчас она работает в ИСАА), Люся Егорова⁶¹, жена Стаса Былиняка (он умер совсем недавно). Люся стала преподавателем китайского. *Эля (Эльвира) Стулова* ⁶², она занималась литературой и, в частности, маньчжурскими *баоцзюанями* ⁶³. *Зарема*

⁵⁶ *Былиняк Станислав Аркадьевич.* (1931 г.р.). Востоковед, д.э.н. (1976), профессор. Окончил МИВ (1954). Сотрудник ИВ РАН (с 1969). Преподаватель МФИ (с 1984).

⁵⁷ *Шабалин Вадим Иванович* (1931 г.р.). Китаевед, д.э.н. (1976). Окончил экономический факультет МГУ (1954). Стажёр Пекинского и Народного университетов КНР (1957–1959). Сотрудник посольства СССР в КНР (1961–1967), ЦК КПСС (1967–1985, 1987–1990), ИДВ РАН. Чрезвычайный и Полномочный посол в отставке.

⁵⁸ *Решетов Александр Михайлович* (1932–2009). Китаевед, этнолог. К.и.н. (1967). Окончил востфак ЛГУ (1951–1956). Стажёр Пекинского университета (1957–1958), аспирант Центрального института национальностей (КНР, 1958–1960). Сотрудник института этнографии АН СССР (1956–1992) и МАЭ РАН (1956–2006). Преподаватель Восточного и исторического факультетов ЛГУ/СПбГУ (1961–2002).

⁵⁹ *Торопов Аким Аввакумович* (1926–1965). Китаевед, лингвист, переводчик, составитель словарей. Окончил востфак ЛГУ (1952–1957), фак-т кит. языка и литературы Пекинского ун-та (1960). Переводчик в КНР (1956). Научный сотрудник ЛО Зоологического Ин-та АН СССР (1960–1961), ЛО ИВ АН СССР (1961–1969). Награждён медалями СССР и КНР.

⁶⁰ *Лапина Зинаида Григорьевна* (1934 г.р.) Китаевед, д.и.н. (1986), профессор (1990), заслуженный профессор МГУ (2002). Окончила ИВЯ при МГУ (1957), истфак Пекинского университета (1960). Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1964). Специалист по средневековой истории Китая. См. текст интервью: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеводами XX–XXI вв. / Под ред. В.Ц. Головачёва. Изд-во: ИВ РАН, Крафт+. М., 2014, Том I, С. 258–289.

⁶¹ *Егорова Людмила Алексеевна* – руководитель отделения «Лингвистика» ИИЯ РУДН, к.филол.н., доцент кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН.

⁶² *Стулова Эльвира Степановна* (1934–1993). Китаевед, к.филол.н. (1975), литературовед. Окончила факультет кит. языка литературы Пекинского университета и востфак ЛГУ (1961). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1961).

⁶³ Сочинения жанра *баоцзюань* («драгоценные свитки»). Условно делятся на 6 групп: I. Жизнеописания и деяния представителей пантеона; II. Жизнеописания и деяния достигших святости простых смертных; III. Наставления отдельных сторон учений (буддийского, даосского, конфуцианского); IV. Наставления по гаданиям медиума; V. Вероучение секты Жёлтое небо; VI. Изложение исторических событий — падение династии Мин.

*Григорова*⁶⁴ – моя первая студентка, когда я ещё преподавал на филфаке. Она, кажется, имела отношение к дунганам из Средней Азии. В настоящее время Зарема преподаёт китайский язык в МГУ, а её муж – Григоров Иван – тоже мой бывший студент из Военного института. Приезжали в Пекин на короткое время *Виктор Петров*⁶⁵, *Серебряков*⁶⁶, *Семанов*⁶⁷, *Румянцев*⁶⁸ – известные потом китаеведы. Что касается меня, то я проучился в Пекинском университете два года и получил от ректора Ма Ин-чу документ об окончании аспирантуры. Таким образом, я окончил две аспирантуры – в Москве и в Пекине. Кажется, я был там первым и последним филологом-аспирантом в то время. Вот так сложилась моя судьба.

ВГ: Насколько изменили вас эти два года? Когда вы возвращались в Советский Союз, наверное, вы были уже другим человеком?

ДВ: Как вам сказать... Ну, во-первых, я приехал в Китай вот с такими «огромными глазами». Я был счастлив, что приехал туда, потому что увидел настоящий, а не книжный мир. Я увидел совершенно другой мир, страну, которую любил по книгам и которая, наконец, предстала предо мной наяву. Каждый день я куда-то ходил или ездил на велосипеде... В то время я даже неформально был старшим группы и держал связь с посольством, ведь я приехал в Китай уже не как студент, а как преподаватель. Для меня это был совершенно новый мир, который открылся мне, который я увидел своими глазами и осязал его. Это было очень для меня важно!

⁶⁴ *Григорова Зарема Люшировна*, к.филол.н., доцент МГУ, Высшая школа перевода, Кафедра теории и методологии перевода. Межвузовский факультет по преподаванию китайского языка.

⁶⁵ *Петров Виктор Васильевич* (1929–1987). Китаевед-филолог, литературовед, переводчик. Окончил востфак ЛГУ (1951). Преподаватель востфака ЛГУ (1951–1987). Член Союза писателей СССР (с 1957).

⁶⁶ *Серебряков Евгений Александрович* (1928–2013). Китаевед, д.филол.н. Профессор ЛГУ/СПбГУ (с 1951). Завкафедрой китайской филологии (1960–1997). Исследователь и переводчик классической китайской поэзии.

⁶⁷ *Семанов Владимир Иванович* (1933–2010). Китаевед, литературовед, д.филол.н. Исследователь и переводчик китайской литературы XVIII–XX вв.

⁶⁸ *Румянцев Михаил Кузьмич* (1922–2010). Китаевед, д.филол.н.(1968), профессор (1970). Засл. профессор МГУ (1998). Окончил МИВ (1951). Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1960), преподаватель МГИМО МИД СССР (1954–1955), ИВЯ/ИСАА при МГУ (с 1960).

ВГ: Насколько отличался этот реальный мир, который вы увидели, от того идеального мира, который вы представляли себе заочно до приезда в Китай, от воображаемого Китая?

ДВ: Ну, видите ли, когда не видишь этот мир, то складывается некое романтическое представление. Сейчас я увидел Китай с разных сторон, не только с хороших, что естественно. Но главное – я увидел великолепную древнюю культуру. В то же время видел и бедность. Я увидел Китай в разных разрезах, увидел разных людей и разные судьбы. Для меня было важно увидеть и понять, что это как бы моя страна. Я считаю, что Пекинский университет – моя альма-матер, а Китай – это часть моей жизни, вторая родина. Тогда я там долго не жил, но ведь я много раз бывал в Китае в разное время. В общей сложности я прожил там (я подсчитал) 6-7 лет. Я приезжал с делегациями и в командировки. Я хорошо знал страну, и китайцы удивлялись когда я, бывало, начинал их исправлять – собеседники всё хорошо понимали.

ВГ: Трудно ли было привыкать к жизни в Китае?

ДВ: К пекинской жизни я привык быстро. Я жил в общежитии, как все наши и китайские студенты. В Пекинском университете я жил в 21-м корпусе (*чжае*), на 3-м этаже. Напротив меня жил Вадим Шабалин. Рядом был и Титаренко, но он очень быстро женился, и пара уехала из этого *чжася* в *юань*. *Юани* – это старые домики с двориками. В общежитии мне сначала было непривычно и даже тяжело, ведь мы приехали поздней осенью и было уже холодно. Студенты-китайцы, привычные к такой жизни, не обращали на это внимания. Они всегда ходили, как вам известно, без головных уборов и легко одетые. В классах и общежитиях гуляет ветер, а им всё нипочём. У меня была отдельная комната с цементным полом, в ней стояли стол, кровать с матрасом и, кажется, больше ничего. Пришлось покупать циновку, потому что пол цементный, замазывать и заклеивать окна, потому что, как вы сами знаете, зимы в Пекине бывают очень холодные. Нужно было всё абсолютно закрывать и замазывать, потому что отовсюду дул холодный ветер. Но я

быстро привык к такой жизни. Впоследствии, когда я приезжал в Китай, я уже останавливался не в общежитии, а в более комфортных местах.

Первое, что я сделал – это я купил вот этот *жуи*, символ удачи, успеха и счастья, который висит перед вами на стене. Заплатил за него 12 юаней, а потом оказалось, что это очень дорогое «удовольствие». И, конечно, я стал покупать книги.

ВГ: А как вы привыкали к еде? Время-то было голодное!

ДВ: Что до питания, то его я наладил так: завтракал у себя, готовил самостоятельно, иногда ходил в столовую для студентов-европейцев – их там было немало из разных стран: поляки, французы, немцы. В столовой была европейская кухня. Но недалеко находилась другая столовая, в которой можно было отведать китайские блюда. Но я какие-то продукты покупал для дома, а обедал часто в китайской столовке, которую очень любил за простоту и оживлённость: тут и *лаобайсины* (простой народ), и местные работяги... Удивляло меню, начертанное мелом на доске – просто диву даёшься, как много блюд. У нас в СССР в столовых, помнится, давали «микояновские» да простенький салат, а в китайском меню – чуть ли не пятьдесят наименований, и выбираешь любые. Блюда простенькие, но вполне съедобные. Я быстро привык к такой кухне и скоро полюбил китайские блюда. Мой друг *Лёня Черкасский*⁶⁹ смеялся, когда приходил ко мне в гости и мы сидели вот за этим столом. Сейчас этот стол завален книгами, а раньше можно было сидеть за ним нормально. Черкасский всегда восхищался моей гастрономией и кричал – ты спец! Я в своё время действительно любил готовить китайские блюда, и у меня до сих пор сохранилось немало рецептов.

ВГ: А какие блюда вы лучше всего готовите?

⁶⁹ *Черкасский Леонид Евсеевич* (1925–2003). Китаевед, литературовед, критик, поэт, переводчик. Д. филол.н. (1971), выпускник ВИИЯ (1951), сотрудник ИВ АН СССР (1960–1992). Работал в Еврейском университете в Иерусалиме. Был членом Союза писателей СССР, Федерации Союзов писателей Израиля и международного Пен-клуба.

ДВ: Одно из первых блюд, которые я полюбил в Китае – это *лацзыцзи* – курица под острым соусом. Ну и вершина китайской гастрономии – это, конечно, *бэйцзин каоя* – «утка по-пекински». Никогда не забуду, как меня пригласил в ресторан на пекинскую утку профессор *Ян Сянь-и*⁷⁰. Это были 1950-е годы. Профессор Ян был известным специалистом в области английской и китайской литературы. В те годы он, так же как и я, переводил «*Жулинь вайши*», но только на английский язык. В этом ему помогала его супруга Глэдис Ян, англичанка. Мой *сяньшэн* – профессор *У Цзу-сян*⁷¹ – познакомил меня с ними, и они пригласили меня в ресторан. Я впервые посетил такой ресторан и был восхищён обстановкой заведения, которое располагалось за воротами Цяньмэньвай, на улице Цяньмэнь-дацзе. Это была очень интересная встреча! Примерно в те же годы я познакомился и с *Тань Ао-шуан*⁷², с которой мы обсуждали это событие. Её мама – немка, преподававшая немецкий язык в Пекинском университете. Я не очень хорошо помню, чем тогда занималась Тань Ао-шуан – кажется, переводами. В Пекине она вышла замуж за советского специалиста и приехала вместе с ним в Советский Союз. Впоследствии она стала известным китаеведом и преподавала в ИСАА.

МО: Расскажите о вашей дружбе с Марком Шнейдером.

ДВ: Марк Шнейдер, китаист, с которым мы вместе проучились 5 лет, служил в армии и пришёл в Военный институт уже со званием. Это я был сопляк тогда, мальчишкой пришёл. А он уже имел звание. Мы вместе учились и подружились с ним. В начале 1950-х годов, после демобилизации, мы довольно много вместе переводили для журналов, зарабатывали деньги. Это

⁷⁰ *Ян Сянь-и* 杨宪益 (1915–2009). Известный китайский переводчик. В соавторстве с супругой Глэдис Тэйлор (Ян) перевёл на англ. язык много произведений классической и современной китайской литературы, включая роман «Сон в красном тереме».

⁷¹ *У Цзу-сян* 吳組湘 (1908–1994). Писатель-прозаик, профессор Пекинского университета.

⁷² *Тань Ао-шуан* 譚傲霜 (1931–2017). Китаевед. д.филол.н. (1995), профессор (2000). Окончила филфак Пекинского университета (1954). Почётный профессор Педагогического университета Центрального Китая (1999). Член правления Всемирной ассоциации преподавателей китайского языка. Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1966).

журналы «Знание – сила», «Техника молодёжи», «Комсомольская правда», в журнале «Новый мир» мы публиковались. Он потом защитил диссертацию, сначала кандидатскую, потом докторскую.

Марк Шнейдер – специалист по русской и советской литературе в Китае. Он жил около Бауманской, его тесть был известный московский адвокат. Мы дружили с Марком до конца нашей жизни. Когда он умер, для меня это было большое горе. Совсем недавно это было, 10-15 лет назад. Это был друг, который мне помогал много в жизни, и я ему помогал, и мы занимались вместе переводами. Он работал в ИВ РАН, в секторе у Эйдлина, китайцы его хорошо знали. Он много писал, но переводов, кроме как со мной, он делал мало. У нас была такая дружба втроем: я, он и Лёня Черкасский. Лёня Черкасский – поэт, китаист, он, правда, был нас моложе на один год... Мы часто собирались вместе вот за этим столом, который сейчас загружен книгами, выпивали, болтали, довольно часто.

ВГ: А какие отношения связывали вас с Л.Е. Черкасским?

ДВ: С Черкасским? Кстати, он и сам писал о наших встречах в 1970–1990-е годы. В годы перестройки он уехал в Израиль, но продолжал заниматься китайской поэзией и печатался у нас. Мы с ним дружили, неоднократно встречались и обсуждали наши дела. Он – остроумный и талантливый человек, типичный поэт, горячий и романтичный, почитатель женщин, которым писал посвящения. Но любил он и сатирические стихи! Как я сказал, свои романтические опусы он часто дарил дамам. В жизни он был верен своей жене, Нелли, которую любил и уважал. Мы были с ним довольно близки, и он часто бывал у меня, когда надо было обсудить переводческие дела.

Когда я переводил средневековую прозу, я пригласил к переводу стихов Леонида Евсеевича Черкасского. В последние годы он работал в секторе Л.З. Эйдлина, то есть в *Институте Востоковедения* Академии наук. Но началась перестройка, и ему не понравились какие-то антисемитские выходки, которые случались в Подмосковье на его даче. Он испугался за своих детей.

Он сидел здесь, за этим столом (это были 1990-е годы), и с грустью сказал, что, наверное, ему придётся уезжать. Я отговаривал его – мол, что ты, Лёня, у тебя здесь всё: работа, друзья... – Нет! Он сделал по-своему. К тому времени его взрослая дочь уже обосновалась в Израиле, и он уехал к ней. Но после отъезда Леонид не раз был в России, посещал меня и даже вручил свои воспоминания обо мне (ДВ смеётся). В них он пишет очень забавно, что Дмитрий, мол, любит всякие китайские мелочи, и это всех нас восхищает. Увы, он ушёл! Это был талантливый китаист, после которого остались книги о поэзии и переводы. Последние годы он продолжал заниматься современной китайской поэзией, печатался у нас, у меня есть его книги. Почему я приглашал его переводить свои тексты – мне нужно было передать особый шарм простонародной средневековой поэзии, и Леонид сумел его передать.

ВГ: Раз у нас зашла речь про переводы... Вы говорили и писали, что переводить приходилось вещи разного уровня, от шедевров классики до литературных «поделок». Как вы относитесь к такой проблеме перевода как «украшательство» переводчиком текста оригинала, вынужденное или добровольное?

ДВ: Насчёт «украшательства» – я об этом пишу в своей статье, которая называется «Подводные камни художественного перевода». Она не опубликована, но я делал доклад в ИМЛИ РАН с разбором перевода Василия Михайловича Алексева, который считается образцом перевода новелл «*Ляо Чжэя*» (Пу Сун-лина). Я пишу, что даже Алексей отходил от оригинала, что-то добавлял, что-то, наоборот, убирал. И это естественно, потому что художественный текст нельзя переводить буквально. Сам я, собственно, так и перевожу. Я не исключаю неточностей и ошибок, потому что китайский текст бывает трудным. Поэтому я с пониманием отношусь к переводам молодых переводчиков, зная, что это занятие не из лёгких. Китайский язык труден, особенно старый язык – *вэньянь*. В текстах обычно нет пунктуации, там слова идут сплошным потоком и часто трудно сказать, что это – географическое название, имя или какой-то образ. У меня, как и у других,

тоже бывали неточности в переводе. Только в этом случае не следует злорадствовать, если увидишь неточность, а просто нужно понимать: есть переводчики-халтурщики, а есть люди, которые действительно знают язык и увлечены, но этот язык совсем не прост, он действительно сложен. Я могу найти в любом переводе кучу ошибок, в любом! Кстати говоря, меня очень пугает, что сейчас в Китае делаются переводы очень многих книг на русский язык. Причём часто неизвестно, кто эти тексты переводит. Иногда там указаны какие-то русские имена переводчиков, но кто это такие – неизвестно. Раньше я знал почти всех и мог сказать, что *Маша Семенюк*⁷³, например, переводившая «Песнь о бесконечной тоске» Ван Ань-и, – квалифицированный переводчик, как и *Юля Дрейзис*⁷⁴. Если в их переводах промелькнёт ошибка, то это ошибка честная, так как переводчик не всегда знает скрытые ситуации текста. Другие же переводы порой неизвестно кем сделаны, и ты просто не уверен в компетентности переводчика. В Санкт-Петербурге есть прекрасный переводчик *Игорь Егоров*⁷⁵, с которым я познакомился и очень этому рад. Его переводы *Мо Яня*⁷⁶ (которого я сам хотел переводить) являются примером качественного перевода. Мо Янь –

⁷³ *Семенюк Мария Владимировна* (1987 г.р.). Китаевед, переводчик, к.филол.н. (2018). Окончила магистратуру ИСАА МГУ (2011). Преподаватель китайского языка в ИСАА МГУ (с 2009). Переводы: Ван Аньи. «Песнь о бесконечной тоске». (Перевод *М.В. Семенюк*). М.: «Восточная литература», 2016. – 557 с., и др.

⁷⁴ *Дрейзис Юлия Александровна* (1986 г.р.), к.филол.н., научный сотрудник ИСАА МГУ. Окончила магистратуру ИСАА МГУ (2009). Стажировка в КНР (Ухань, КНР, 2005–2006). Сотрудник отдела исследований и разработок компании АВВУУ, с 2009 г. возглавляла группу лексикографических описаний китайского языка. Исследовала системы невербальной коммуникации, ритмику сунской поэзии, перевод средневековых чайных трактатов. Издан перевод «Канона чая» Лу Юя (2007) – первого в истории трактата о технике и философии чайного действия.

⁷⁵ *Егоров Игорь Александрович* (1953 г.р.). Китаист, переводчик (кит., англ. и исп.). Окончил востфак СПбГУ (1980). Редактор Ленинградского отделения изд. «Художественная литература» (1987–1994). Переводчик современной китайской литературы, в т.ч. перевёл роман Су Туна «Последний император», повесть «Луна на дне колодца», рассказы Су Туна, Юй Хуа, Оуян Сяньцэня, Мао Дуня.

⁷⁶ *Мо Янь* 莫言 (1955 г.р.). Писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (2012). Романы Мо Яня нередко запрещали: /«Чесночные напевы» об обманутых крестьянах; «Страна вина» о чревоугодии чиновников (1993) и др. Самый известный роман «Большая грудь, широкий зад» вышел в Китае с купюрами. В своём творчестве как писатель-гуманист исповедует универсальные человеческие ценности: свет, добро, истину, любовь.

интересный писатель, со своею необычной образностью, своим стилем. В языке он непрост, и в переводах могут быть неточности, но у Игоря Егорова это обоснованные неточности. Короче говоря, к любому переводу надо подходить разумно, тактично и со вкусом, и обязательно при хорошем знании двух языков – оригинала и своего родного языка. Во всяком случае, я всегда стремился к этому в своих переводах. Мне нравится перевод, потому что в переводе видно писателя. Сам я член Союза Писателей и переводчиков РФ и даже имею медали, наши и китайские. Но к своим переводам я стараюсь подходить объективно.

ВГ: Где же всё-таки проходит грань между хорошим и плохим переводом? Года три назад я был в Харбине, в Хэйлунцзянском университете, где ужинал с несколькими китайскими профессорами-русистами. Один из этих профессоров рассказал, что китайцы хотели переиздать «Мастера и Маргариту» Булгакова, для чего обратились к нему с просьбой выбрать лучший перевод этого романа на китайский язык из шести существующих переводов. Оказалось, что присутствовавшие ничего не знали о седьмом (точнее, первом) переводе, изданном в 1987 г. в самом Харбине известным переводчиком-русистом Сюй Чан-ханем 徐昌翰!

ДВ: С одним из переводов романа я сталкивался в 1980-х годах, когда я был в Китае. В Педагогическом университете я познакомился с русистом – одним из тех, кто имел смешанную кровь. Это Цянь Чэн (он же *Цянь Юй-цай*)⁷⁷, который преподавал русский язык и переводил «Мастера и Маргариту». Порой он обращался ко мне с вопросами. Он перевёл роман и опубликовал. У меня есть эта книга, и я её просматривал недавно. Конечно, в ней было немало нелепостей, но я знал, что Цянь хорошо знает русский язык, и это было главное. Цянь Чэн был близок к русско-китайской диаспоре. Надо

⁷⁷ Цянь Чэн 錢誠 (Цянь Юй-цай, 1922 г.р.). Русист, переводчик, проф. Пекинского университета. Переводил на кит. язык сочинения Булгакова и Солженицына. Начал заниматься тайцзицюань (1942). Сегодня – признанный мастер тайцзицюань, носитель традиции школ «У» и «Ян», ученик Ван Пэй-шэна. В годы «культурной революции» был брошен в тюрьму. Автор книг о тайцзицюань. Много лет преподаёт в Японии.

сказать, в этом университете был он не один, а много китайцев смешанных кровей. Я познакомился с Асей Хэ (все звали её Асей), которая преподавала на факультете русского языка. Она тоже была полукитайка–полурусская. Родилась она во Владивостоке. Тогда же я познакомился с Лю Гуан-цзе, или Гарри Лю – профессором, который преподавал в другом институте. Он, правда, ничего не переводил, но совершенно свободно владел русским и китайским языками. В Китае была большая диаспора китайцев смешанных кровей. Так что, вполне вероятно, переводы могли быть различные. Только я не понимаю, зачем надо делать так много переводов – надо просто знать, кто как переводит.

МО: Не возникает ли у вас желания браться за новые переводы уже переведённых произведений?

ДВ: Понимаете, тут возникает ещё один вопрос: я, например, вряд ли буду переводить то, что переводил когда-то Василий Михайлович Алексеев. Не потому, что у Алексеева очень точные переводы, а потому, что он создал свой стиль и мне не хочется этот стиль ломать или под него подлаживаться. В своей статье я пишу, что и у него тоже «отходы» от оригинала есть, неточности, но это именно его неточности и именно его стиль. Переводы Алексеева хорошо читаются. Кроме того, важно учитывать ещё и то, в какую эпоху был переведён текст. Алексеев переводил в 1920-е годы, то есть он был близок к стилю Серебряного века, понимаете? А в то время было совершенно иное образное мышление, свой художественный язык, вот в чём дело. Проблема перевода мне интересна и меня волнует, без перевода я не могу преподавать. Когда я иду на свои лекции, я, например, не могу говорить о какой-то книге, не зная, что она представляет собой с точки зрения языка. Поэтому я предварительно делаю фрагменты перевода текста для себя. Таких записей у меня накопилось множество, и я уже не знаю, как их использовать. Иногда небольшие переводы я использую в какой-то статье – к таким переводам я приучаю и студентов. Если ты читаешь какой-то текст, переведи

из него хотя бы кусочек, чтобы понять шарм языка и красоту слова. Китайский язык обладает удивительным богатством и красотой!

МО: Помните ли вы первую вашу вещь, переведённую с китайского языка?

ДВ: Самое первое, пожалуй... в начале 1950-х годов мы переводили отдельные рассказы *Лю Бай-юя*⁷⁸, которые печатались в Китае. Это небольшие рассказы. Из крупных произведений – вместе с Марком Шнейдером мы перевели «Не по тому пути» и опубликовали в «Новом мире». А когда я уже стал серьёзно заниматься литературой классической, то здесь вся энергия у меня ушла на «Неофициальную историю конфуцианцев», которую я начал переводить уже в аспирантуре, в 1956–1957 гг., а издал в 1959-м году.

МО: Как в те годы, в отсутствие большинства справочных материалов, вы справлялись с такими сложными переводами? Какими вы пользовались словарями? Помогали ли вам носители языка?

ДВ: Я книги люблю, и словарями я старался обзаводиться сразу. Например, на улице Горького был книжный магазин, который, к сожалению, закрылся – так там бывали последние словари. Я постепенно их приобретал – у меня, например, есть полный академический словарь – 12 томов – китайского языка, *цзыдянь*, *цзыдянь* (字典 *zidyān*). Вон они лежат – я их покупал и в Китае, и в Японии, частями. Я люблю справочную литературу, без неё жить просто невозможно. На английском у меня очень много изданий. Что касается опыта моей работы, то опыт у меня был такой. Во-первых, я занимался тем, что меня интересовало, а не тем, чем меня заставляли заниматься. Конечно, когда я работал с делегациями, это было другое дело. То, что меня интересовало, я старался передавать студентам. Для себя я переводил очень много, это было, в общем, в стол, многое я так и не

⁷⁸*Лю Бай-юй* 劉白羽 (1916 г.р., Пекин). Китайский писатель, военкор «Синьхуа жибао» и агентства Синьхуа в армии Линь Бяо. Написал много военных рассказов и очерков о НОАК. В 1950 г. в составе делегации работников культуры приехал в Москву, где участвовал в работе над фильмом «Победа китайского народа». За участие в создании этого фильма первым из кит. писателей удостоен Сталинской премии.

опубликовал. У меня очень много материалов, с которыми я уже не успею ничего сделать, это всякие отрывки, которые я переводил для себя и давал своим студентам. Главной для меня была преподавательская работа и научная работа, которая совмещалась с преподаванием – я не разрывал их. Это было очень трудно, конечно. Когда я начал заниматься научной деятельностью, я увидел, насколько это трудно совместить – преподавание и писание. Но я всё время писал, участвовал в конференциях, делал доклады и так далее. Вот у меня лежит целый портфель, там материалы, опубликованные в разных журналах. Таких материалов у меня очень много, некоторые не печатались – я печатал их сам для себя, на машинке. Для меня было важно одно: Китай был мне интересен разными сторонами. Я не разрывал язык, словесность, культуру, жизнь, быт Китая. Поэтому я преподавал на некоторых курсах – давал им бытовую эпиграфику, какие-нибудь медицинские рецепты, вывески – что-то из обычной жизни, быта в Китае. Я собирал материалы в Китае, на Тайване, у меня накопилось множество иллюстративных материалов. Потому что всё это отражает культуру Китая и жизнь повседневную, а повседневная жизнь – это самое главное. Вот то, что я хотел передавать студентам. К сожалению, сейчас это делать всё сложнее. А задумок ещё очень много.

ВГ: Скажите, пожалуйста, ваш интерес к творчеству *Гао Син-цзяня*⁷⁹ возник ещё до того, как ему дали Нобелевскую премию?

ДВ: Фактически да. В 2000 году я был в Переделкине, в Доме творчества Союза писателей. И кто-то из моих студентов прислал мне роман Гао Син-цзяня. Я его назвал «Чудотворные горы». По-китайски он называется «*Линшань*» 灵山, по-английски его перевели «Soul Mountain» (Гора души).

⁷⁹ *Гао Син-цзянь* 高行健 (1940 г.р.). Писатель, драматург, поэт, переводчик, художник. Лауреат Нобелевской премии по литературе (2000). Окончил Пекинский Институт иностранных языков. Экспериментатор, создатель нового театра. В годы «культурной революции» прошёл через трудовые лагеря. После событий на площади Тяньаньмэнь (1989) произведения объявлены «контрреволюционной пропагандой». Самый известный роман «Гора души» – о паломнике к Горе предков, в надежде на исцеление от рака. Здесь отражены скитания писателя в верховьях р. Янцзы до его ареста. Живёт в изгнании.

Его перевела на английский язык австралийка-китаянка, владевшая английским языком. Но я намеренно перевёл так, как перевёл, имея в виду смысл понятия *лин* – не только «душа», но и «чудо», которое воздействует на человека.

ВГ: Интересно, почему всё же «чудо»?

ДВ: А потому что «*Линшань*» – это чудотворные горы, там творится чудо! *Лин* – это дух, который живёт в душе человека, и он воспринимает это чудо вокруг себя. Поэтому я перевёл именно так. Но есть и другие переводы. Например, в Санкт-Петербурге на одной из конференций кто-то говорил о переводе названия романа как «Гора души». А что такое «Гора души»? – я не понимаю.

ВГ: А я бы перевёл так – «Пик животворного духа»!

ДВ: Но там нет пика! *Шань* – это не «пик», это «гора», или «горы». Но об этом можно спорить сколько угодно, что, впрочем, и хорошо, ведь китайский язык рождает разные образы. Этим и замечателен этот язык! С Гао Синцянем у меня получилась целая история. Я просмотрел роман на китайском языке, он мне понравился своей необычностью, непохожестью на литературу той поры. Он написан в 1990-х годах, когда страна только-только вышла из состояния «культурной революции». Такие романы для того времени были удивительны. Это был очень личный роман, это сразу видно. Это его дух, это не просто гора. В нём царит дух эпохи и чувства человека. И я прочитал его, а потом мне вдруг позвонили из Чехии, с «Радио Свобода». Звонил мне Пётр Вайль или Александр Генис, а, может, и другой журналист, не помню: «Дмитрий Николаевич, мы слышали, что вы знаете про этот роман и как будто его даже переводите». Я говорю: «Нет, я пока его не перевожу, но роман читал и знаю его содержание». Он: «А вы не хотели бы написать о нём? Дело в том, что автору, кажется, должны дать Нобелевскую премию». Я сказал – «хорошо» и написал статью о романе в журнал «Иностранная литература». Это был, кажется, 2001 год. К тому времени вышла нобелевская речь автора на английском и на китайском языке. Кстати говоря, её текст на

китайском мне прислали из китайской газеты, которая издавалась в Нью-Йорке – вот интересно! Я написал то, что знал о Гао Син-цзяне. Его роман мне понравился, и тогда я написал ещё в журнал «Восточная коллекция» очерк «Чудотворные горы Гао Синцзяня». Это был уже 2002 год. Вот здесь я пишу и иллюстрирую текст фотографиями картин самого автора (*показывает*). Известно, что Гао – талантливый художник. Правда, его живопись необычна – чёрно-белый рисунок размытой тушью, что создаёт таинственный эффект.

ВГ: Гао Син-цзянь любил приезжать на Тайвань, где неоднократно выступал.

ДВ: Да, там он выступал как автор прозы и как режиссёр-постановщик пьес.

Гао Син-цзянь – известный драматург.

ВГ: В одном из интервью Гао рассказал забавную вещь. Перед очередным отъездом из Тайваня (ещё до получения Нобелевской премии) ему пришлось оставить на острове много картин, которые он не мог увезти с собой физически. Возникла проблема – знакомые не хотели брать картины на хранение, по разным причинам. Но как только Гао стал Нобелевским лауреатом, вдруг оказалось, что и картины нужны, и отношение к нему сразу изменилось. После этого, в 200 г., он приехал на Тайвань и поставил в Национальном театре в Тайбэе одну из своих пьес, премьера которой прошла в присутствии президента Чэнь Шуй-бяня. Я тоже был на той премьере...

ДВ: Это действительно так, но Гао, к тому же, ещё и талантливый поэт. Я перевёл несколько его поэм, которые хочу опубликовать. Правда, в грудe своих бумаг никак не могу найти китайский текст... А вот здесь у меня сборник очерков и статей, самых разных; среди них есть очерк о Гао Син-цзяне. Мне хочется издать их как альбом-книгу, но получится или нет – не знаю. Помимо всего прочего, у меня здесь ещё статьи о Японии («Япония – картинки былого»).

МО: А как и когда вы оказались в Японии?

ДВ: В Японию меня послали в командировку от Министерства образования и МГУ. Это был 1979 год. Кроме меня поехала японистка из ИСАА Наталья

Шевтилевич – то есть мы были в Японии вдвоём. Это была прекрасная и интересная командировка! В Японии я побывал в Токио, Осаке, в Кобе, Нагое, Комакура... Очень важно, что я встречался в университетах с китаеводами и русистами, людьми интересными, творчески мыслящими.

ВГ: Какова была цель командировки?

ДВ: Цель командировки была установить научные связи между ИСАА и японскими университетами. И это было очень интересно, потому что я встречался, как уже сказал, с китаистами и русистами. Встречи с японскими китаеводами были особенно содержательными, потому что они очень хорошо знают и ценят китайскую культуру и классическую литературу. Когда я приезжал, например, в Токийский университет, там они всё время показывали мне рукописи, архивные материалы, связанные, с китайскими писателями и поэтами, например, с *Бо Цзюй-и*⁸⁰, другими авторами... А русисты (у меня было много знакомых русистов) мне рассказывали, как изучается русский язык и культура. В 2016 году к нам приезжал *Ясуй-сан*⁸¹, профессор-русист. Я с ним встретился в Москве, у меня есть его фотография. Он прекрасный знаток нашей литературы, как XIX века, так и современной.

ВГ: Дмитрий Николаевич, а когда вы впервые побывали на Тайване?

ДВ: На Тайване я побывал дважды. Впервые я побывал там в 1990-х годах (1994–1995), на международной конференции по вопросам китайской литературы и её перевода на иностранные языки. И там я выступал с докладом по поводу перевода китайской классики. В то время я переводил Ли Юя, литератора XVII века. У меня были опубликованы статьи о Ли Юе, в то время я как раз им занимался. На Тайване я встретился с разными

⁸⁰ *Бо Цзюй-и* 白居易 (772–846). Китайский поэт. Крупный государственный сановник, не раз рисковал карьерой обличая жестокость и несправедливость чиновников. Возглавил целое направление в поэзии, адепты которого выражали в стихах высокую верность жизненной правде, конкретность образов, обличительную направленность. Большую часть переводов см. в книге: *Бо Цзюй-и. Лирика / Перевод Л. Эйдлина*. М., 1965.

⁸¹ См.: *Сусуму Нонака* (рецензии). *Р. Ясуй*. Хроника советской литературы: 1983–1991; *Р. Ясуй*. Россия моя подруга // Бюллетень Японской ассоциации русистов No 48 日本ロシア文学会 2016. P. 187–193.

китаеводами, которые занимались китайской классикой и современной литературой. Среди них был Андре Леви из Франции, Марианн Галик – китаевед из Словакии, мой старый знакомый, профессор, который очень много пишет и занимается в основном современной литературой конца XIX – начала XX века. Что до Андре Леви – я с ним познакомился впервые, он занимается классикой. Это была очень интересная поездка! Правда, к сожалению, кроме Тайбэя, я там нигде не побывал. Во второй раз меня послали туда года через два, уже от ИСАА и Министерства высшего образования. В группе было 3 человека – кроме меня был *Виля Гельбрас*⁸² из ИСАА и *Юрий Андреевич Вьюнов*⁸³ из Пушкинского института русского языка. Это тоже была очень интересная поездка, потому что мы познакомились с несколькими университетами на Тайване, с библиотеками на Тайване, у меня завязались знакомства, до сих пор мне присылают журналы и книги. Несколько лет я получал три журнала – например, очень хороший журнал «Синорама», который когда-то выходил ежемесячно на китайском и английском языке, но, как мне объяснили, сейчас журнал целиком переводится в Интернет.

МО: Как вам кажется, в чём заключается особенность Тайваня?

ДВ: Тайвань – это особый мир. Тайвань живёт своей жизнью, и у него своя китайская культура, несмотря на тесные связи с континентом. Но как дальше повернутся отношения – неизвестно. Сейчас, как я читал, американцы снабжают Тайвань оружием, а Пекину это не нравится, и вопрос о самостоятельности Тайваня до сих пор стоит весьма остро. На острове сильно чувствуется влияние западной культуры (кстати, у них безвизовый режим с США), но у них интересно развивается и своя культура. Я, пожалуй,

⁸² *Гельбрас Виля Гдаливич* (1930 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1980), профессор (1983). Окончил МИВ (1953). Сотрудник МВТ СССР (1953–1955), НИИ труда при Госкомитете СМ СССР по вопросам труда и заработной платы (1956–1964), ИЭМСС АН СССР (1964–1967), ИМРД (1967). Преподаёт в ИСАА МГУ (с 1992).

⁸³ *Вьюнов Юрий Андреевич* (1940 г.р.). Историк, к.и.н., профессор. Членкор Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения. Член Союза журналистов Москвы, член правления Общества дружбы с Кубой.

первым у нас в России читал студентам курсы по тайваньской литературе и о китайских диаспорах, то есть о китайцах, пишущих на китайском или иностранных языках – в Штатах, во Франции, как тот же Гао Син-цзянь. Среди них есть очень интересные люди, которые пишут на разные темы. Их произведения часто непохожи на литературу континентального Китая. Но сейчас между островом и континентом есть связи – многие авторы из КНР бывают на Тайване, так же, как и тайваньцы бывают в КНР. Думаю, что эти культурные связи следует изучать, это важно для будущего. Ведь Россия поддерживает связи и с КНР, и с Тайванем. Правда, с Тайванем сейчас чувствуется некоторое охлаждение, хотя это и не спад.

МО: Приходилось ли бывать в других странах «большого Китая»?

ДВ: Да, я побывал и в Сингапуре, но это особый разговор. Я был там дважды – один раз с делегацией от Общества Дружбы. Мы тогда были в Малайзии, на Филиппинах, в Пакистане и Сингапуре. Это был 1967 год. А потом, в 1971 году, меня послали в Сингапур от Министерства высшего образования. Нас было четверо от института. Кроме меня были супруги Котовы. *Антонина Фёдоровна Котова*⁸⁴ была в ИСАА деканом и преподавала язык, а её муж работал в МГИМО. В группе был *Артеми́й Карапетья́нц*⁸⁵, который как раз в те годы окончил Институт и начал преподавать, а также китаевед из Ленинграда *Сергей Яхонтов*⁸⁶. Это была удивительная и очень полезная поездка! У меня остались дневники и опубликованы две-три статьи, которые я напечатал в журнале «Азия и Африка сегодня». Вообще-то меня интересуют связи Китая с Западом, и я об этом писал. Вот, например, мой очерк «Запад глазами китайского дипломата», где я пишу о ситуации конца

⁸⁴ *Котова Антонина Фёдоровна* (1927–2001). Китаевед, к.филол.н., доцент кафедры китайской филологии, декан историко-филологического факультета ИВЯ/ИСАА. Заслуженный преподаватель МГУ (1998).

⁸⁵ *Карапетьянц Артеми́й Михайлович* (1943 г.р.) Китаевед, д.филол.н. (1992), профессор (1994). Окончил ИВЯ при МГУ (1966). Преподаватель (с 1969), завкафедрой (1993–2003) ИСАА при МГУ.

⁸⁶ *Яхонтов Сергей Евгеньевич* (1926–2018). Китаевед, к.филол.н. (1954), доцент (1956). Окончил востфак ЛГУ (1950). Специалист по лингвистике и истории языкознания в Китае.

XIX века. Меня интересует эта эпоха – и то, как китайцы осваивали чужую культуру и, наоборот, как другая культура приживалась в китайской среде. Это очень интересная тема, которая сейчас особенно актуальна, например, для Соединённых Штатов и Китая. Китайцев в США много, они там преподают, пишут книги, там возникают свои сложности и конфликты... Этой проблемой обязательно надо заниматься!

МУ: Занимается ли кто-то из ваших студентов такими темами?

ДВ: Конечно! Студенты интересовались, хотя, может быть, неглубоко. Но когда я вёл занятия для старших курсов на тему «Китайская диаспора и её культура», я затрагивал эти вопросы, и они, безусловно, вызывали интерес. Правда, разрабатывать новые темы мне сейчас стало довольно тяжело. Хотя раньше учеников у меня было довольно много и, возможно, кто-то из них займётся этим всерьёз.

ВГ: А кого бы вы хотели отметить особо, как наиболее близкого вам? Есть ли у вас любимые ученики?

ДВ: Да у меня едва ли не все любимые! Правда, были и бестолковые, и излишне амбициозные, попадались и наглые – этих я просто удалял с занятий и они, наверное, очень меня боялись. Правда, с годами я стал более демократичным и гуманным. Раньше я удалял с занятий нерадивых, причём довольно решительно.

ВГ: Говорят, вы даже А.В. Панцова⁸⁷ выгоняли?

ДВ: Вряд ли! Саша Панцов, которого я тоже учил, был хорошим студентом и интересным человеком. Это была интересная группа. В ней был *Пётр Иванов*⁸⁸, который стал священником, *Серёжа Труш*⁸⁹ – известный историк.

⁸⁷ *Панцов Александр Вадимович* (1955 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1993). Окончил ИСАА при МГУ (1978). Замдиректора ИСАА при МГУ (1998–1999). Преподаёт в разных университетах США (с 1994). Профессор Капитолийского университета (с 1999). Специалист по истории КПК и советско-китайским отношениям.

⁸⁸ *Пётр Михайлович Иванов* (1956 г.р.). Историк-китаист, д.и.н. (1999), священнослужитель Русской православной церкви. Окончил ИСАА МГУ. Сотрудник ИВ РАН (1989–2004). Стажёр Университета Чжэнчжи на Тайване (1995–1996). Рукоположен митрополитом Ювеналием во диакона, во пресвитера (1998). Был священником Храма

Это была группа историков. Я у них вёл на 4-5 курсе перевод и реферирование. Панцов был талантливым студентом. Его тема мне была не слишком близка, но уже тогда мы со студентами читали тексты *Мао Цзэ-дуна*⁹⁰, его поэзию. Впоследствии Саша Панцов стал автором нескольких книг, а его дочка, кажется, занимается проблемами Тайваня.

ВГ: И всё-таки, есть ли у вас любимые ученики?

ДВ: Ну, не то что бы любимые, но, во всяком случае, те, которых я уважаю за многие профессиональные качества. Правда, говоря про «качества», я имею в виду не только работоспособность, но и человеческие качества. К таким студентам я относил Тёму Карапетьянца. Конечно – это талантливый человек, которого я знаю чуть ли не со школьной скамьи. Я познакомился с его родителями в Китае в 1959 году, когда он ещё учился в школе. И, возможно, я в какой-то степени тоже повлиял на выбор им китайской специальности. У него была хорошая семья, которая интересовалась Китаем. Тёма действительно по своей природе работоспособный, и он очень хороший человек по своей природе. Что до Панцова, то его я знаю хуже, но помню его дочку Дарью, которая училась у меня и работала в тайваньском представительстве. Мне близок *Юра Иляхин*⁹¹, который живёт в Китае уже лет пятнадцать. Он принадлежит к той категории китаеведов, которые

святого великомученика Никиты с. Строкино, Успенского храма Московского Богородице-Смоленского монастыря.

⁸⁹ *Труш Сергей Михайлович* (1956 г.р.). Китаевед, к.и.н. Окончил ИСАА при МГУ (1978). Сотрудник ИДВ АН СССР (1981–1990), Института США и Канады РАН (с 1990). Специалист по Китаю и консультант МИД РФ и др. организаций. Сфера исследований: американо-китайские отношения в новом международном контексте; отношения России, КНР и США; внешнеполитическая стратегия США; энергетическая проблема и отношения США и КНР.

⁹⁰ *Мао Цзэ-дун* 毛澤東 (1893–1976). Государственный и политический лидер Китая XX в., основатель и главный теоретик маоизма.

⁹¹ *Иляхин Юрий Михайлович* (1955 г.р.). Китаевед, переводчик, журналист, предприниматель. Окончил ИСАА МГУ (1978). Работал в ТАСС (1978–1985). В 1999–2017 г. основал в КНР и руководил газетой и сайтом бесплатных объявлений *Шоу ди шоу* («Из рук в руки»). Автор работ по литературе и народным обычаям Китая, серии «Библиотека китайской литературы», сборника «Поэзия эпохи Сун», (мин. культуры КНР: «Китайская культура», «Азы пекинской оперы», «Сюжеты пекинской оперы»), статей для энциклопедии «Духовная культура Китая». Автор книги «Китай кусочками», вошедшей в лонг-лист премии «Просветитель» в 2017 г. (Иляхин Ю. Китай кусочками. СПб., 2016).

влюблены в свою специальность, увлечённо делают своё дело и одновременно интересуются культурой и литературой. Кстати, несколько лет назад он опубликовал книгу «Китай кусочками», а раньше, когда он ещё учился, я предлагал ему переводы сингапурской литературы. Юра и человек очень хороший. Таких студентов у меня было много. Мои бывшие аспирантки – Маша Семенюк, *Юля Кузнецова*⁹², Юля Дрейзис. Я считаю большим достижением нашей кафедры тот факт, что они у нас остались преподавать. Вместе с другими они как бы образуют профессиональное ядро кафедры, что очень важно. Правда, некоторые ещё не защитили диссертацию, но это дело ближайшего будущего. Но они преподают язык и литературу, пишут статьи, выступают с докладами. Возможно, они помогут мне издать то, что я ещё не успел издать. У меня осталось очень много материалов, которые я не успел опубликовать.

ВГ: Вы сейчас готовите что-то к публикации?

ДВ: В данный момент я собираю то, что у меня уже есть. Это большая проблема, потому что среди набросков я всё время что-то нахожу, что не успел окончить. Это записи, дневники, наброски статей, заметки и переводы, которые я использовал в своих лекциях. Напечатанных лекций у меня не было – я их намеренно не делал, потому что мне всё время важно было говорить что-то новое, то есть импровизировать. Так уж устроен мой интеллект.

МУ: Что бы вы хотели пожелать своим ученикам, преемникам и всем молодым китаеведам с высоты ваших лет и опыта?

ДВ: Любить свою профессию по-настоящему увлечённо. Это значит, быть тесно связанным с нею, интересоваться не только своими узкими вопросами, но и широкими проблемами духовной жизни страны. Например, если ты литературовед, нужно непременно интересоваться культурой Китая, его

⁹² *Кузнецова Юлия Александровна.* (1985 г.р.). Китаевед, филолог. Окончила магистратуру ИСАА МГУ (2010), преподаватель ИСАА МГУ (с 2010). Стажировка в КНР (Шэньчжэнь, 2006–2007). Сфера исследований: китайская драма 1980-х гг. (в т.ч. пьесы Нобелевского лауреата Гао Син-цзяня), китайская поэзия кон. 1980-х – нач. 2000-х гг.

словесностью, его бытом и нравами, и т.д. Поэтому не случайно, например, на разных курсах я давал студентам обычную бытовую эпиграфику (как я это называю), чтобы они знакомились с такими вещами, как свадебные или похоронные объявления, или медицинские и гастрономические рецепты. Как ни странно, это часто привлекает большее внимание, чем какой-нибудь заумный политический текст. Чего я хочу? Я хочу, чтобы мои будущие студенты были порядочными людьми, хорошими, добрыми, отзывчивыми. При этом – чтобы они не только любили своё дело, но и оберегали свою китаеведческую среду. Надо избегать дрызг и конфликтов, так как это может в конце концов отразиться на обучении студентов. Сейчас мы переживаем очень непростую пору, непростое время. Многие нынешние реформы образования, которые касаются многих институтов, прежде всего (что очень плохо) – Академии Наук и науки вообще, часто носят негативный характер. В них много формальности, надуманности. Ни в коем случае нельзя политизировать науку, особенно гуманитарные знания, и это касается не только литературы, но и науки вообще. Ну, а если политики избежать вообще нельзя, то нужно знать меру. Надо помнить то, что у нас или в Китае происходило в прежние годы (впрочем, иногда и сейчас). Мы порой забываем то, что было, и удивляемся «иноземным» текстам, какие они интересные, так как они написаны по другим канонам. Мне хотелось бы, чтобы студенты интересовались культурой в широком смысле этого слова и были высокими интеллектуалами. Например, среди вопросов для этого интервью упоминаются Маркс и Гегель. Читать нужно и Маркса, но не только, потому что Маркса «проходили» в Институте. Читать нужно и Гегеля, и Ницше, и Юнга, и Фрейда, то есть книги по философии, религии, культуре и этике, потому что все они создают духовный мир человека, основу его интеллектуальности. И ещё: мне хотелось бы, чтобы мои студенты оставались высоконравственными, порядочными людьми, обогащёнными теми ценностями, которые создавали человечество. Студент МГУ должен быть именно таким!

